

О. Ю. Кузнецов

РЫЦАРЬ ДИКОГО ПОЛЯ

Жизнь и судьба князя Д.И. Вишневецкого

Введение

На протяжении двух столетий – XVI-XVII вв. – огромные пространства степных просторов, прилегающих к Северному Причерноморью, многозначительно назывались «Диким полем». В то время это была практически незаселенная и в хозяйственном отношении совершенно не освоенная огромная территория, на которой сталкивались интересы четырех главных военно-политических сил Восточной Европы того времени – Османской империи, Крымского ханства, Московского царства и Польско-Литовского государства. Степи являлись ареной постоянных стычек их вооруженных отрядов, и от военных походов и набегов противостоящих сторон страдало, в первую очередь, население окраин всех этих государств.

Дикое поле (по-польски «dzikie pola») простиралось от русской лесостепи на севере до прибрежных районов Черного моря на юге и от низовьев Дуная на западе до среднего и нижнего течения Волги на востоке. На северо-востоке, в верхнем течении Дона, оно заканчивалось легендарным Куликовым полем, которое широким языком степи далеко вклинивалось вглубь лесистых земель Московского государства и было извечным направлением агрессии крымских татар на русские окраины. К середине XVI века степные просторы днепровско-волжского междуречья со всех сторон были опоясаны цепью пограничных крепостей, линия которых демаркировала их естественную границу, а сами они являлись (в первую очередь, для Московского и Польско-Литовского государств) центрами колонизации плодородных, но еще неосвоенных просторов.

На западе и северо-западе Дикого поля располагались передовые польские и литовские крепости: Бар (Bar), Канев (Kanev), Черкассы (Cerkasy), Брацлав (Braclaw), Киев (Kiev), Каменец-Подольский (Kamenetz-Podolski), защищавшие украинские, главным образом, волинские и подольские земли, являвшиеся польско-литовскими владениями в среднем Поднепровье, от набегов крымских татар.

На северной и северо-восточной окраине степей, в землях Московского государства, стояли передовые русские крепости Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, образовывавшие так называемую «Северскую Украину» Московской Руси или «Северу» (в середине XVI века под «Украиной», т.е. окраиной, понимались приграничные земли, непосредственно прилегающие к Дикому полю, которые в несколько более позднее время еще называли «порубежьем» – О.К.). Далее на восток, в верхнем течении Оки и ее притоков, располагались Новосиль, Мценск, Белев, Одоев – владельческие или административные центры так называемых Верховских княжеств, располагавшихся в верхнем течении Оки, которые в первой половине XVI столетия (точнее, с 1492 по 1550 год) одно за другим перешли под руку Москвы, – все они составляли русскую «Верховскую Украину». Еще далее на восток, по бассейну реки Упы, лежали города Великого княжества Московского: Крапивна, Тула, Венев и возведенный в 1554 году Дедиловский острог, прикрывавшие русское степное пограничье со стороны Куликова поля – это была так называемая «Польская Украина». Вслед за этими городами линию пограничных крепостей в верховьях Дона и его протоков продолжали пограничные города и остроги Михайлов, Пронск, Переяславль-Рязанский (нынешняя Рязань), Данков, Лебедянь – административные центры бывшего Рязанского великого княжества, присоединенного к Москве в 1521 году, и составлявшие «Рязанскую Украину» Московской Руси. Далее в одном направлении на Нижний Новгород, а в другом – на Тамбов простиралась «Казанская Украина».

На юго-западе Дикого поля в конце XV – начале XVI века турки-османы для защиты находившихся от них в ленной зависимости княжеств Молдавии (по-турецки Buğdan) и Валахии (Eflak), располагавшихся в дунайско-днепровском междуречье, возвели крепости Азю или Озю (Ozu, современный Очаков) и Джан-Керман (Zan-Kirman, в настоящее время Каховка), которые заперли устье Днестра (по-турецки Ozu), а также Аккерман (Ak-Kirman, ныне Белгород-Днестровский, по-румынски Cetatea Alba) и Килию (по-румынски Chilia), преградившие доступ в район низовьев Днестра (по-турецки Turla) и Прута. Кроме того, Османская империя контролировала территорию Бессарабии (Budjak), расположенную между Днестром и Прутом, и переправы на Днестре, для чего турки, начиная с 1491 года, построили там мощную крепость Бендер (Tiagin, нынешние Бендеры, по-румынски Tighina). На юге две мощные турецкие крепости – Кафа или Кефе (Kafe, современная Феодосия) и Азак (Azak, ныне Азов), расположенный в устье Дона, защищали Крымское ханство, которое с конца XV века находилось под протекторатом Блистательной Порты (так еще иначе называли Османскую империю).

Также в Северном Причерноморье в низовьях Днестра по соседству с Литвой и Польшей Крымскому ханству принадлежало несколько крепостей, которые служили отправными пунктами всех его набегов и походов в земли Польско-Литовского и Московского государств, а также убежищами на

случай ответных действий северных соседей, зачастую дававших резкий отпор степной агрессии. К крепостям, принадлежавшим этому сателлиту Блистательной Порты, относились Ферах-Кермен (Ferah-Kirman, в настоящее время Перекоп) на Перекопском перешейке, Кизи-Кермен (Kuzu-Kirman, современный Береслав) и Ислам-Кермен (Islam-Kirman, ныне Аслан-городок).

Кроме того, степи, простиравшиеся в обе стороны от низовий Дона, находились во владении кочевых племен – Большой (к востоку) и Малой (к западу) Ногайской орды. Однако сам речной путь по Дону не контролировался никем, и здесь проходили только участники набегов – татары, поляки и литовцы или русские¹.

В первой половине XVI века на всем громадном пространстве Дикого поля, заключенном между этими крепостями, сложилась парадоксальная, по сравнению с Западной и Центральной Европой, военно-политическая и социально-экономическая ситуация. Огромный массив плодороднейших черноземных земель не мог быть не только освоен, но даже и захвачен, так как ни у одной из претендовавших на него сторон не было в достаточной степени ни людских, ни материальных, ни финансовых ресурсов. Реальным, а зачастую и номинальным хозяином того или иного участка степи было то государство, чей вооруженный отряд в данный момент контролировал эту территорию. Фактически, вплоть до середины XVIII столетия основным, если не единственным, содержанием истории Дикого поля была каждодневная партизанская война этих отрядов друг с другом, а также против оседлого или полукочевого населения степных окраин, своеобразная «bellum omnium contra omnes» – война всех против всех. Победительницей в ней, как это и оказалось впоследствии, могла стать только та из противоборствующих сторон, которая оказалась бы способной в своей военно-хозяйственной экспансии выйти к естественным границам Дикого поля и закрепиться на них. Ей стало Московское государство, превратившееся в начале XVIII столетия в Российскую империю, которой сначала для установления своей гегемонии в Диком поле, а затем для завоевания и хозяйственной колонизации его степных просторов потребовалось почти два с половиной века.

Самым известным героем этой степной войны, безусловно, являлся князь Дмитрий Иванович Вишневецкий (? – 1564). Ни один из военачальников середины XVI столетия не добивался столь редкой привилегии быть лично известным всем коронованным особам стран, прилегавших к Дикому полю, на службе у которых он состоял или с которыми по личной инициативе враждовал насмерть. Польский король Сигизмунд II Август, московский царь Иван IV Грозный, валахский господарь Стефан IX поочередно звали и принимали к себе на службу князя Д.И. Вишневецкого, полагая его острием оружия, которое они намеревались использовать против своих соседей и внешнеполитических противников. Турецкий султан и крымский хан были им вынуждены вести войну не против государства (Речи Посполитой или Московии, на службе которых он состоял), а персонально «против отдельной личности, названной величайшим врагом Блистательной Порты»². Едва ли найдется еще один такой же пример в восточноевропейской средневековой военной истории, когда одному человеку оказалось под силу успешно вести многолетнюю личную войну против столь могущественного государства, которым была Османская империя того времени, а она, в свою очередь, для организации отпора была вынуждена мобилизовать силы и ресурсы в масштабах, сопоставимых с затратами на ведение боевых действий против других своих сильных европейских противников, которыми традиционно были Венеция и Священная Римская империя. Тем интереснее выяснить, какую же роль в истории Московского государства (и не только) сыграла эта масштабная в исторической ретроспективе и чрезвычайно интересная сама по себе личность.

Ее уникальность не только для своей, но и для последующих эпох подтверждается еще и тем, что Д.И. Вишневецкому удалось (вполне вероятно, что еще при жизни) запечатлеть свое имя в веках в наименованиях целого ряда географических объектов. Так, например, Книга Большому Чертежу – первый отечественный атлас территории Московского государства, Дикого поля и прилегающих к ним сопредельных стран, составленный предположительно с последней трети XVI в., содержит фамилию князя в гидрониме Вишневецкий колодезь – наименовании левого притока Северского Донца («... ниже Митякина пал в Донец Вишневецкий колодезь, а от Митякина до Вишневецкого верст з 20. А ниже Вишневецкого пала в Донец река Глубокая, а от

¹ Подобная точка зрения на пространство и границы Дикого поля является общепринятой в мировой исторической науке. Приведем некоторые работы отечественных и зарубежных авторов, придерживающихся аналогичной трактовки этого вопроса:

Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской укайны» Русского государства в первой половине XVI столетия. – М.: Наука, 1974; *Wojcik Zbigniew.* Dzikie Pola w ogniu. O Kozacyzynie w dawnej Rzeczypospolitej. – Warszawa, 1968; *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов // Франко-русские экономические связи. – М.–Париж: Наука, 1970. – С. 38-64.

² *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 63.

Вишневецкого до Глубокие верст с 5»³), при впадении которого ныне расположен пос. Вишневецкий Каменск-Шахтинского района Ростовской области России. Кроме того, в окрестностях города Черкассы, приблизительно в 5-ти милях на северо-запад, Книга Большому Чертежу упоминает город Мошна Вишневецкого («... ниже Домантова по правой стороне Днепра, на реке на Мошне, от Днепра с 3 версты, город Мошна Вишневецкого. А ниже Мошны 4 мили, на Днепре, город Черкасы»⁴), – сохранившийся до наших дней поселок Мошны Черкасской области Украины.

Ни один из государственных и военных деятелей середины XVI столетия «второго плана» (т.е. не правителей и не приближенных к ним царедворцев), оставивших яркий след в истории Восточной Европы эпохи позднего Средневековья, не вызывал столь громких и противоречивых оценок у исследователей разных стран и народов, как он. Так, французский источниковед и археограф Ш. Лемерсье-Келькеже называла его «литовским кондотьером»⁵ (предводителем военных наемников или ландскнехтов). Среди украинских историков нет единого взгляда на эту личность: С.Б. Веселовский характеризовал князя «крупным польским авантюристом» и «своевольным паном»⁶, В.А. Голубуцкий именовал его «ясновельможным магнатом», ярым врагом казачества⁷, а К.Г. Гуслистый наоборот считал князя основателем Запорожской Сечи и отождествлял его с «Байдой-казак» – героем известной народной украинской думы (эпического сказания)⁸. Того же мнения придерживается и польский историк Збигнев Вуйчик в своем труде «Дикое поле в огне. Казачество в давней Речи Посполитой»⁹, а также анонимный автор статьи о Д.И. Вишневецком в Большой советской энциклопедии (1-го издания), который определенно называет его «руководителем казачества в их походах против турок и татар, основателем крепости на Днепре, которая позднее станет Запорожской Сечью»¹⁰. И как это не покажется странным, все эти разноречивые характеристики вполне объективно могут быть отнесены к одному человеку – князю Дмитрию Ивановичу Вишневецкому.

Историография работ, на страницах которых так или иначе отражена военно-административная деятельность князя, приближается в сотне наименований, а поэтому в рамках данной статьи дать их сколько-нибудь внятный обзор не представляется возможным (это – тема раздела самостоятельного монографического исследования), а поэтому на данном вопросе специально останавливаться не будем. Скажем только, что постоянное введение в научный оборот все новых источников в настоящее время позволяет интерпретировать деятельность Д.И. Вишневецкого не совсем так, как это было сделано двадцать лет назад, чем, собственно, и вызвано появление нашей публикации.

Основным способом получения нами информативного материала о событиях и деятелях позднего Средневековья являются источниковедческие исследования. В первую очередь, их объектом стали произведения русского, белорусского и литовского летописания – летописи, летописцы, хроники, в совокупности представляющие собой комплекс нарративных источников, богатый информационно и фактологически, но зачастую крайне неоднозначный в оценках и суждениях их авторов, составителей или редакторов. Наиболее широко используемой среди этих памятников исторической литературы является знаменитая «Книга степенная царского родословия»¹¹, сведения которой широко использовались большинством указанных выше отечественных исследователей, начиная с А.И. Лызлова и заканчивая Р.Г. Скрынниковым (зачастую ее материалы использовались без указания источника, чем особо отличался Н.И. Костомаров). Многочисленные упоминания о походах и битвах

³ *Книга Большому Чертежу* / Под ред. К.Н. Сербиной. – М.-Л.: Наука, 1950. – С. 76.

⁴ Там же. – С. 108.

⁵ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов. – С. 38.

⁶ *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. – М., 1947. – Т. 22. – С. 121.

⁷ *Голубуцкий В.А.* Запорожское казачество. – Киев: Наукова думка, 1957. – С. 87 и др.

⁸ *Гуслистый Г.К.* Запорозьська Січ та її прогресивна роль в історії українського народу. – Киев: Наукова думка, 1954. – С. 7-8 и др.

⁹ *Wojcik Zbigniew.* Dzikie Pola w ogniu. O Kozaczyźnie w dawnej Rzeczypospolitej. – St. 20.

¹⁰ Большая Советская энциклопедия. – Изд. 1-е. – Т. XI. – М.: Советская энциклопедия, 1930. – С. 358.

¹¹ *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). – Т. XXI. Книга степенная царского родословия / Отв. ред. М.Н. Тихомиров – М.: Наука, 1963.

князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого мы находим в Никоновской¹², Лебедевской¹³ и Евреиновской¹⁴ летописях, Мазуринском летописце¹⁵, Хронике Литовской и Жмойтской¹⁶.

Другую группу официальных нормативных по происхождению и делопроизводственных по содержанию источников Московского царства, составляют разрядные записи¹⁷, сохранившиеся, несмотря на «большой московский пожар» 3 мая 1626 года, в огне которого погибли здания и архивохранилища царских приказов. Они позволяют с большой степенью достоверности (особенно при сопоставлении со сведениями, почерпнутыми из летописных источников) определить количественный и качественный состав вооруженных отрядов русских служилых людей, находившихся в разные годы под командованием Д.И. Вишневецкого, характер и порядок его оперативно-тактического и стратегического взаимодействия с другими русскими военачальниками во время многочисленных походов, их географию и результаты. Кроме того, разрядные записи достаточно четко фиксируют место князя в феодальной иерархии Московского государства середины XVI столетия, а также изменение его социального статуса в результате его службы, внутри- и внешнеполитических событий того времени.

В качестве ценного источника средневекового законодательства, позволяющего детально рассмотреть социально-имущественное положение представителей рода князей Вишневецких в сословной иерархии Польско-Литовского государства, является «Статут Великого княжества Литовского» в редакции 1588 года¹⁸. Этот памятник юридической мысли XVI столетия предоставляет возможность дать сословно-правовую оценку и анализ служебного положения, выполняемых государственно-политических и военно-административных функций, имущественных владений Д.И. Вишневецкого и его родственников во время их пребывания на службе в Речи Посполитой. К числу официальных по своему происхождению источников относятся разного рода нормативно-распорядительные акты верховной власти Великого княжества Литовского – уставные грамоты, универсалы, привелеи (великокняжеские именные указы), которые в XIX столетии были собраны и опубликованы в ряде сборников Археографической комиссией Императорской Академии наук¹⁹, Временной комиссией для разбора древних актов, Высочайше утвержденной при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе²⁰, а также отдельными малороссийскими историографами²¹.

Отдельную группу источников, рассказывающих о службе князя Дмитрия Вишневецкого Московскому государству, а также детализирующих отдельные события этой службы, являются материалы дипломатических сношений (7 комплексов документов) середины XVI столетия между Москвой, Речью Посполитой и Крымским ханством, опубликованные в сборниках документов Императорского русского исторического общества (№№ 59 и 71) в конце XIX века²². Аналогичные по происхож-

¹² ПСРЛ, изданное по Высочайшему повелению Императорской Археологической комиссией. – Т. XIII. Ч. I-II. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904.

¹³ ПСРЛ. – Т. XXIX. Летописец начала царствования царя и великого князя Ивана Васильевича. – Александроневская летопись. – Лебедевская летопись / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М.-Л.: Наука, 1965.

¹⁴ ПСРЛ. – Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские / Под ред. Б.А. Рыбакова, В.И. Буганова, Н.Н. Улащика. – М.: Наука, 1980.

¹⁵ ПСРЛ. – Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII века / Под ред. Б.А. Рыбакова и В.И. Буганова. – М.: Наука, 1968.

¹⁶ ПСРЛ. – Т. XXXII. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцирного / Под ред. Б.А. Рыбакова, В.И. Буганова. – М.: Наука, 1975.

¹⁷ Разрядная книга 1475-1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. – М.: Наука, 1966. См. также: Разрядная книга 1550-1636 гг. / Под ред. В. И. Буганова. – М.: Наука, 1976; Разрядная книга 1559-1605 гг. / Под ред. В. И. Буганова. – М.: Наука, 1974.

¹⁸ Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588: Энциклопедический словарь-справочник. – Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки, 1989.

¹⁹ См.: Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 4-х тт. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1848-1852; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 13-ти тт. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1863-1885.

²⁰ Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссией для разбора древних актов, Высочайше утвержденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (далее – Архив ЮЗР): В 35-ти тт. (ч. 1-8). – Киев: Университетская тип., 1859-1914.

²¹ Грамоты Великих князей Литовских с 1390 по 1569 год, собранные и изданные под редакцией Владимира Антоновича и Константина Козловского. – Киев: Университетская тип., 1868.

²² Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским (1533-1560) / Под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб, 1887. – С. 530, 541-543, 546-547, 549, 585, 613.

дению и содержанию документы включает в себя и Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского²³, вышедшая в свет в середине XIX столетия. Материалы дипломатических сношений того времени содержат политические оценки отдельных действий и демаршей князя, косвенно показывают, какие международные военно-политические последствия и значение они имели, и объясняют, почему именно личность Д.И. Вишневецкого оказалась столь востребованной и значимой для своего времени. Одновременно эти материалы поднимают хрестоматийный вопрос философии о роли личности в истории и заставляют размышлять над тем, что было бы, если на месте князя оказался другой человек, как развивались бы в то время русско-татарско-литовско-польские отношения. Конечно, занятия ретропрогностикой – дело весьма неблагодарное, но сам факт наличия такой возможности в отношении одного человека свидетельствует о масштабности личности князя как колоритной и значимой фигуры Восточной Европы середины XVI столетия.

К сожалению, этим ограничивается известный нам круг российских источников, касающийся службы князя Вишневецкого Московскому государству, что обусловлено во многом, как нам представляется, уже упоминавшимся «большим московским пожаром» 1626 года. В условиях дефицита отечественной источниковой базы, относящейся к XVI веку, особое значение приобретают исследования современного классика французской медиевистики Шанталь Лемерсье-Келькеже, которая работала и перевела на французский и русский языки, а также проанализировала и опубликовала обнаруженные в стамбульских архивах весьма ценные материалы – так называемые «реестры важных дел», которые содержат копии всех указов, изданных Большим султанским советом и самим султаном. Она насчитала, по меньшей мере, 62 акта верховной турецкой власти, непосредственно связанных с реакцией на деятельность князя Д.И. Вишневецкого и возглавляемых им русских служилых людей в годы нахождения его на службе у московского царя. Эти документы существенно дополняют сведения отечественных источников, главным образом летописей, и содержат информацию о походах князя и его отрядов против Крымского ханства и турецких крепостей в Северном Причерноморье в 1556-1560 гг. (для похода 1560 года султанские «реестры важных дел» вообще являются единственным источником по причине отсутствия каких-либо записей в русских нарративах)²⁴. Оттуда же нам известно, что Вишневецкий был персональным врагом Османской империи, имеющим в турецких документах имя собственное – насмешливое прозвище «Дмитрашка», тогда как ни один другой русский или польско-литовский военачальник того времени или руководитель восстаний в причерноморских владениях Блистательной Порты не пользовался привилегией быть лично известным Большому султанскому совету и султану.

В связи с этим нельзя не упомянуть имени А.В. Виноградова, который перевел со старофранцузского на русский язык и ввел в отечественный научный оборот материалы официальной и частной переписки французских дипломатов и торговых агентов, проживавших в середине XVI в. в Стамбуле при султанском дворе и имевших возможность составить собственное мнение о действиях «капитана Дмитрашки» и реакции на них руководства Османской Порты²⁵. Именно эти донесения обеспечили князю Д.И. Вишневецкому известность в европейских кругах того времени, а для нас являются ценным источником, позволяющим посмотреть как бы «с другой стороны» на военные усилия князя и объективно оценить их результаты.

Данное исследование имеет своей целью показать значение военно-политической деятельности князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого для Московского государства, а также максимально объективно ответить на вопрос, почему все-таки произошел разрыв между князем и царем Иваном IV Грозным в 1561 г. – вопрос, на который до сих пор у историков нет однозначного ответа. Думается, что эта работа также прояснит отдельные аспекты первых шагов военно-хозяйственной колонизации русскими служилыми людьми степных земель в районе Куликова поля, начавшейся в середине XVI столетия, а также поможет определить место новой корпорации в иерархии военно-служилого сословия Московского государства – русского служилого казачества, появление которого, на наш взгляд, непосредственно связано с ратной и государственной деятельностью князя Д.И. Вишневецкого.

Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством. 1560-1571. / Под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб, 1892. – С. 64, 156, 211.

²³ *Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского*, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда-Августа с 1545 по 1572 год: Издана по поручению Императорского Московского общества истории и древностей российских: В 2-х тт. – М.: Университетская тип., 1843. – Т. I / Ред. И. Данилович (I. Danilowicz), М.А. Оболенский.

²⁴ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 51-62.

²⁵ *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: В 2-х тт. – М.: Институт российской истории РАН, 2007.

Восточноевропейская генеалогическая традиция относит угасший в XVIII столетии род князей Вишневецких, наряду с князьями Воронечкими и угасшим родом князей Збравских, к числу прямых потомков литовского великого князя Гедемина. Одни исследователи выводят родословную Вишневецких от великого князя Ольгерда Гедеминовича²⁶, другие – от его сына Корибута (в крещении – Дмитрия) Ольгердовича²⁷. Эти утверждения основываются на летописном свидетельстве Хроники Литовской и Жмойтской, которая неоднократно попеременно называет Дмитрия Корибута и его отца зачинателями этого русско-литовского княжеского рода²⁸. В одном генеалогии едины – в самостоятельную княжескую фамилию род Вишневецких оформился в седьмом колене от Гедемина после 1463 года. Его основателем общепризнанно считается князь Михаил Васильевич (? – 1576), дед героя нашего повествования, получивший при разделе наследства в доменное владение замок Вишневец на Волыни, к названию которого, собственно, и восходит эта фамилия²⁹.

Впервые имя князя Д.И. Вишневецкого упоминается в исторических источниках, относящихся к 1545 году, в связи с так называемой люстрацией Волынского княжества, когда произошла поголовная перепись всех землевладельцев, с того времени обязанных службой Литовскому государству³⁰. К этому моменту ему было около 30-ти лет: современные украинские историки, не приводя в обоснование своей позиции никаких документальных источников, датируют его рождение 1516 годом, полагая, что в этот год его мать, княжна смоленская Анастасия Семеновна Олизар (Олизарич) была выдана замуж за его отца, князя Ивана Михайловича³¹. Поскольку христианская мораль представителей высшего сословия того времени в отношении женщин своего круга не может быть подвергнута сомнению, уместнее будет дату рождения нашего героя отсрочить на год-полтора – до 1517 или 1518 года.

Первые годы его взрослой жизни нельзя назвать успешными: после смерти в 1542 году его отца, князя Ивана Михайловича и передачи его должности и земельных владений князю Федору Михайловичу – его младшему брату и дяде героя нашего исследования, Д.И. Вишневецкому пришлось самостоятельно заботиться о хлебе насущном. Польско-литовские источники 40-х гг. XVI столетия повествуют о его многих «неблагородных» с точки зрения сословной морали панства Великого княжества Литовского того времени поступках: в 1546 году в Вильно он судился с князем Чарторыйским из-за дома в местечке Свободно, в 1548 году привлекался к судебной ответственности за «заподіяння кривди підданним королеви Бони» («причинение несправедливости подданным королевы Боны» – О.К.) Сфорцы, жены польского короля Сигизмунда I Старого. Однако, как представляется, судебные тяжбы и неправомерное завладение имуществом королевских крестьян являлись скорее следствием буйного характера молодого князя и оскорбленной родовой гордости, чем были вызваны материальной нуждой, о чем не раз свидетельствовали его современники (например, Н.Н. Яковенко приводит такую характеристику личности князя, данную ему польским королем Сигизмундом II Августом: «Зараз таких слуг треба було б якнайбільше, але не з таким норовом» – «Мне бы таких слуг побольше, но не с таким характером»)³². Еще в 1545 году комиссар великого князя Литовского Лев Патий, проводивший люстрацию Волынского воеводства, составил документы, свидетельствующие о том, что «деспот Димитрий Иванович Вишневецкий сам прибыл к мисце Кременець», где находился королевский комиссар, и показал, что в Кременецком повете он владеет поместьями Кушнин, Подгайке, Окнин, Гараж, Камарин, Крутнів и Лопушне. Словом, по меркам того времени он был обеспечен довольно-таки сносно, тем более, что в 1546 году он получил «привелею на достояние Вонячин» на Подолье³³. Кроме того, из описи Волынского княжества от 28 сентября 1546 года, составленной вследствие преобразования его в воеводство, мы узнаем о родовых владениях князей Вишневецких, находившихся в то время в собственности князя Дмитрия, – «Олексинцы властная отчизна и дидызна князей Вишневецких, имение Крутнево, Лопушное, Бобровцы»³⁴. По сути, под его управлением ока-

²⁶ *Большая энциклопедия*: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. / Под ред. С.Н. Южакова и П.Н. Милюкова: В 20-ти т. – СПб.: Тип. Товарищества «Просвещение», 1901-1905. – Т. 5. – СПб., 1901. – С. 168.

²⁷ *Гребельский П.Х., Думин С.В.* Князья Вишневецкие // *Дворянские роды Российской империи*: В 10-ти тт. – Т. 2. Князья. – СПб.: Вести, 1995. – С. 92-96.

²⁸ *ПСРЛ*. – Т. XXXII. – С. 63, 67, 70.

²⁹ *Большая энциклопедия*: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. – Т. 5. – С. 168.

³⁰ *Голубуцкий В.А.* Запорожское казачество. – С. 87.

³¹ *Гребельский П.Х., Думин С.В.* Князья Вишневецкие. – С. 94-95.

³² *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). – Київ: Наукова думка, 1993. – С. 105.

³³ *Голубуцкий В.А.* Запорожское казачество. – С. 88-89.

³⁴ *Грамоты Великих князей Литовских с 1390 по 1569 год*, собранные и изданные под редакцией Владимира Антоновича и Константина Козловского. – С. 44-46.

зались владения, равные по размерам крупному удельному княжеству более раннего времени. Однако из-за близости порубежья с Диким полем и регулярных набегов крымских татар численности населения его родовой вотчины явно не хватало для того, чтобы полностью освоить весь массив этих земель в хозяйственном отношении, о чем косвенно свидетельствует малочисленность регулярной феодальной дружины князей Вишневецких: весь род должен был приводить с собой на королевскую службу всего 84 всадника. Это количество воинов не шло ни в какое сравнение с отрядами иных белорусско-литовских магнатов: личного войска князей Кезгайлов, насчитывавшего 768 служилых людей, дружины панов Радзивиллов, состоявшей из 621 воина, отрядов панов Гаштольдов и князей Острожских, имевших в своих рядах 466 и 426 конника соответственно; но, правда, превосходило число воинов князей Чарторыйских, выставявших 55 человек, князей Соколинских – 40 конников, князей Пронских – 25 служилых людей, а тем более князей Лыко или Бердибяка, приводивших с собой всего по одному конному воину³⁵.

Все кардинально изменилось в сентябре 1549 года, когда в результате набега крымских татар на Черкасское воеводство в плен к ним попал князь Федор Вишневецкий, и место старосты Черкасского и Каневского оказалось вакантным. В 1550 году на основании привелея (именного указа) Великого князя Литовский Сигизмунда II Августа эту административную должность занял князь Дмитрий, получив в пожизненное владение земли, которыми до этого в разное время управляли его отец, князь Иван Михайлович, и дядя, князь Федор Михайлович. Именно с этого момента начала восходить военная звезда нашего героя.

Старостами в Великом княжестве Литовском назывались должностные лица, которые руководили административной округой (поветом), выполняли военные и судебные функции в пожалованных им землях, именовавшиеся «старостами». Староства в XVI в. представляли собой государственные имения, предоставляемые королем и великим князем феодалам в пожизненное владение как вознаграждение за заслуги перед Польско-Литовским государством или лично перед монархом³⁶. Староство Черкасское и Каневское было «городовым», т.е. приписанным к судебной-административным центрам, и являлось пожизненным (на русский манер) кормлением князю Дмитрию Вишневецкому³⁷. В этом отношении вряд ли можно согласиться с мнением Д.И. Яворницкого (Эварницкого) о том, что князь был полужависимым от Литвы феодальным сеньором³⁸, – он находился на службе у Великого князя Литовского и пользовался пожалованным ему за это государственным имением.

Вслед за Д.И. Яворницким (Эварницким) тезис о самостоятельности князя Д.И. Вишневецкого повторяет Ш. Лемерсье-Кельеже, называющая его «крупным магнатом, православным по своему вероисповеданию, но бывшим полужависимым вассалом Великого княжества Литовского»³⁹. Во-первых, как видно из приведенных выше данных о численности феодальной дружины рода Вишневецких, он был чрезвычайно далек от претензий на знатность, более того, – начинает упоминаться в великокняжеской раде только в начале XVI века, вместе с другими мелкоземельными фамилиями. Во-вторых, повторимся, Д.И. Вишневецкий был владельцем государственного имения – староства, полученного за заслуги его отцом и переданного ему в пользование и распоряжение по именному королевскому указу. Поэтому называть его «магнатом» или «полужависимым вассалом» вряд ли будет справедливо: в служебном и имущественном отношении он находился в полной юридической зависимости от Литовского великого князя, т.е. являлся его вассалом в западноевропейской традиции того времени. А факт того, что он эту зависимость нередко игнорировал, и подобное манкирование долгом вассала перед короной нередко сходило ему с рук, – яркий пример проявления субъективного влияния на объективный ход исторического процесса. В связи с этим можно предположить, что указанные исследователи интерполировали на более раннее время ту степень военно-политического могущества этого княжеского рода, которую он приобрел столетием позже, во времена князя Иеремии Михаила Вишневецкого.

Наиболее наглядно зависимость социально-имущественного положения князя Д.И. Вишневецкого как старосты от выполняемых им военно-административных функций по занимаемой должности на королевской службе мы можем проследить на примере материалов ревизии Черкасского и Каневского замков, произошедшей в феврале 1552 года⁴⁰. Прежде всего, следует отметить, что князь Дмитрий как староста никак не был связан имущественно с управляемым ими землями: на террито-

³⁵ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. – М., 1900. – С. 357.

³⁶ *Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588*: Энциклопедический словарь-справочник. – Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки, 1989. – С. 529.

³⁷ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. – С. 476-478; См. также: Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени создания Литовского статута. – М., 1892.

³⁸ Яворницкий (Эварницкий) Д.И. История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 17-18.

³⁹ Лемерсье-Кельеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 41.

⁴⁰ *Архив ЮЗР. – Ч. VII. – Т. I. Акты о заселении Юго-Западной России* / Под ред. В.Д. Владимирского-Буданова. – Киев: Университетская тип., 1886. – С. 77-105.

рии Черкасского и Каневского поветов в собственность за ним не было закреплено никакого недвижимого имущества – ни клочка пашни или целины, ни господского дома, ни хозяйственных построек. Да и управлять хозяйственной жизнью вверенных ему областей он не мог, поскольку те значились в то время как «держание пана Ивана Хрщоновича»⁴¹. Плата за выполнением им своих служебных обязанностей по обеспечению внешней безопасности вверенных ему земель и поддержанию на них внутреннего правопорядка складывалась из денежного или натурального оброка, налагаемого на оседлое городское и сельское население, а также на полукочевых казаков и приходящих или транзитно проезжающих торговцев. По сути, социально-имущественный статус старосты в подначальных ему землях Великого княжества Литовского мало чем отличался от положения князя в Великом Новгороде, который являлся, выражаясь современным языком, своего рода «топ-менеджером» территории, уровень благосостояния которого напрямую зависел от степени эффективности его управленческой деятельности. До должности старосты князь Дмитрий Вишневецкий получал с подчиненных ему земель исключительно денежную и натуральную ренту, а поэтому, естественно, являлся пользователем, а не владельцем государственных латифундий. А поэтому, строго говоря, с юридической точки зрения считать его по должности магнатом или феодалом мы не можем.

По делопроизводственным документам нам известны, как минимум, тринадцать видов «доходов старостинных», никак не связанных с землевладением. Самым прибыльным из них были так называемые «колядки» – ежегодная плата местного населения накануне Рождества: «даютъ мещане на годъ старосте о Божием нарождении колядки з дыму каждого по шести грошей», а также поставлять «з дыму по возу сена». Аналогичный оброк деньгами и сеном распространялся и на казаков, живущих на земле Черкасского и Каневского староств. Сверх того, горожане были обязаны ежегодно на содержание 12-ти замковых караульных платить «сторожовщизну» или «кликовщину» «з дыму по два гроши». В 1552 году в Черкассах насчитывалось 233 мещанских «дыма», а «окроме осилыхъ боярь и мещанъ бывають у нихъ прихожие казаки; сее зимы ихъ было разомъ полтретьста (т.е. 250 человек – О.К.), в Каневе – 246 мещанских и церковных «дыма». Округлив число плательщиков «колядок» и «сторожовщизны» и произведя нехитрые арифметические расчеты, мы можем рассчитать среднегодовой доход князя Д.И. Вишневецкого в то время, который с Черкасс составлял 3 тыс. грошей «колядок» и 1000 грошей «кликовщины», а с Канева – 750 грошей «колядок» и около 300 грошей «сторожовщизны». Таким образом, мы можем считать ординарный ежегодный доход князя за счет подушных податей в сумме 5 тыс. грошей.

Вторую группу источников материального благополучия старосты составляли различного рода таможенные и торговые пошлины, известные в середине XVI века как «мыто» и «обестки». «Мыто» известно в нескольких видах: торговое – 3 гроша в каждого воза товара, соляное – по 2 безмена соли с человека. «Обестки» были меньшего размера: торговые – 1 грош с воза, соляное – 2 безмена с каравана. Кроме того, старосте полагались различного рода натуральные «доходы»: «с полоняников», по которому каждый беглый из Крыма должен был отдать старосте коня в обмен на одежду и обувь; «с караванов», в зависимости от их происхождения и направления движения – «до Орды» или «из Орды» (в первом случае старосте полагались «шуба лисья, сагайдак (саадак – О.К.), седло, шлык лисий», во втором – «ковер, камка на золоте, шелк, тебенъи», если же караван перемещался по воде, то взимался денежный налог в размере одного золотого), а также так называемые «бутынки» – «одно што лепшое» из военной добычи, полученной или при отражении крымско-татарского набега на польско-литовское порубежье, или в результате собственного набега на окраинные земли Крымского ханства. Наряду с «доходами» получал староста и «поклоны» – натуральные подношения с рыбных и охотничьих промыслов: осетра или бобра с каждой промысловой партии (ватаги).

Особую статью доходов старосты составляла «корчма» – денежный откупной налог на торговлю алкогольной продукцией в подконтрольных ему землях, который имел фиксированный размер по отношению к объему проданного «шинкованья» – 40 грошей с ведра (12,9 л). Были у старосты и другие экстраординарные денежные доходы: «присуд» – судебная пошлина за каждое вынесенное решение в размере 4 грошей, «куница» – административный сбор с невесты за регистрацию брака (12 грошей с девицы, 30 грошей с вдовы), «повежное» – административный штраф (12 грошей)⁴².

Можно предположить, что помимо ежегодного подворного налога в 5 тыс. грошей за счет экстраординарных источников доходов – косвенных денежных и натуральных налогов и сборов – князь Дмитрий Вишневецкий мог получать с подвластных ему территорий выгоду на общую сумму до 2 тыс. грошей, а в общем – до 7 тыс. грошей, которая шла на удовлетворение его личных нужд, а не служебных потребностей. И это не считая доходов с его «отчин» и «дедизн», т.е. наследственной земельной собственности, размер которых сегодня с определенной степенью вероятности установить вряд ли удастся по причине отсутствия сколько-нибудь достоверных сведений. Тем не менее, говоря о материальном содержании, которое могла обеспечить должность старосты Черкасского и Каневского, мы можем сделать вывод о том, что в денежном отношении князь Дмитрий Вишневецкий по меркам того времени был обеспечен достаточно сносно, во всяком случае – гораздо лучше многих своих

⁴¹ Там же. – С. 77, 91.

⁴² Там же. – С. 82-84, 93-97.

современников из числа представителей княжеско-панской аристократии Великого княжества Литовского, занимавших аналогичные административные должности. Но это обстоятельство не уберегло оседлое население подчиненных ему в административном отношении земель от сребролюбия, мздоимства и корысти князя, которые, похоже, были одними из важнейших черт его характера (достаточно вспомнить его судебные тяжбы с панами Чарторыйскими из-за недвижимой собственности, грабеж королевских крестьян и прочие проступки, из-за которых он оказался не при дворе, а на пограничной службе).

Получив должность старосты, князь Д.И. Вишневецкий проявил неумеренную алчность в приобретении дополнительных доходов по статьям, отнесенным к его исключительной компетенции (в первую очередь, это касалось натуральных податей). Материалы ревизии Черкасского и Каневского замков 1552 года буквально изобилуют сведениями о своеволии «теперешнего старосты», который вдвое увеличил размер «соляного мыта», повысил в Черкассах «повежное» («а первой по одному только грошу бирано повежное») в 12 раз⁴³, а в Каневе – в 10 раз («повежное было по 3 гроши, а теперешний староста и отъ безвинно осаженого беретъ по 30 грошей»)⁴⁴, в 2-3 раза увеличил размер «сторожовщизны» в Каневе («сторожовщизны по 2 гроши, сена по возу, а князские, земянские и церковные подданные давали сторожовщизны по 3 гроши; а теперешний староста беретъ отъ нихъ по 7 грошей з дыму»)⁴⁵, обложил осетровыми «поклонами» местное население («и с того беретъ староста отъ чужгородцовъ осмого осетра, а отъ Черкасъцовъ третего, а передъ тимъ не бирано отъ Черкасъцовъ...»), монополизировал бобровый промысел («бобровые гоны по рекамъ вышеписанныхъ хоживали Черкасъцы мещане и бояре, и дайвали старосте з ватаги поклону бобра одного, да другого городского; а теперешний староста, взявши тыи два бобры водлугъ обычая, над тои беретъ выти сегого бобра, а делить самъ себе, и выбираетъ яко хочати, а остатокъ купуетъ у нихъ также яко хочати, зъ замку ихъ не выпускаючи»)⁴⁶. Словом, князь Вишневецкий, не имея возможности поднять прямые налоги, устанавливаемые непосредственно королевской властью, сделал все, чтобы в собственных интересах увеличить косвенные сборы, не гнушаясь при этом даже демонстрацией угрозы применения насилия в отношении местного населения, чем, безусловно, вызвал у него недовольство и внутреннюю оппозицию. Только этой реакцией жителей Черкасс и Канева на княжеское своеволие мы можем объяснить провал всех его военно-административных мероприятий по восстановлению обороноспособности Черкасского и Каневского старостств, о котором более подробно будет сказано ниже...

К моменту назначения на должность старосты Черкасского и Каневского князь Дмитрий Вишневецкий приобрел немалый боевой опыт в составе отрядов воеводы и старосты Барского, а затем – старосты Теребовлянского пана Бернарда Иоганна Претвича (?-1561). Он родился в Силезии, по происхождению был, скорее всего, из ополяченных немцев, а по вероисповеданию – католиком, носил герб «Вчеле», представлявший собой некое подобие поля с золотыми и серебряными квадратами. Военная карьера Б.И. Претвича началась при дворе польской королевы Боны Сфорца в 20-х гг. XVI века, которую он променял на полную опасностей пограничную жизнь. В 1537 году пан Претвич в чине ротмистра начал службу на Подолье командиром отряда легкой конницы, а его непосредственным начальником стал воевода Белзкий и коронный хорунжий пан Николай Сенявский (1489-1569) из рода герба «Лелива», впоследствии – великий коронный гетман, воевода Русский, староста Галицкий и Коломыйский.

Ротмистр Б. Претвич активно внедрял в жизнь порубежных с Диким полем польско-литовских гарнизонов тактику так называемой «наступательной партизанской войны», разработанную паном Н. Сенявским. Убедившись в неэффективности практики созыва панского ополчения («посполитого рушения») в ответ на очередной татарский набег, что всегда требовало нескольких дней на сборы, боевое слаживание и развертывание отрядов, он разработал принципиально иную тактику охраны порубежья, получившую впоследствии (в 20-е гг. XX в.) название «завесы». Воевода выдвинул сторожевые посты за южные границы Короны Польской, включавшей в себя часть правобережных украинских земель, установив при этом между ними и гарнизонами порубежных крепостей систему оповещения через гонцов и световые сигналы. Впоследствии – через четверть века – эта система была полностью заимствована Московским государством для организации собственной порубежной охраны и нашла отражение в приговоре Боярской Думы от 18 февраля 1571 года «о станичной, сторожевой и полковой службе на Польской уkraine Московского государства»⁴⁷. Известно, что среди активных разработчиков этого документа, явившегося, по сути, первым боевым уставом отечественных пограничных войск, значатся воеводы Михаил Иванович Ржевский и Юрий Булгаков, прославившиеся в 1550-е гг. своими военными подвигами против крымских татар и ногайцев под началом князя Д.И.

⁴³ Там же. – С. 83, 84.

⁴⁴ Там же. – С. 96.

⁴⁵ Там же. – С. 95.

⁴⁶ Там же. – С. 85.

⁴⁷ См. подробнее: *Беляев И.* О станичной, сторожевой и полковой службе на Польской уkraine Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М.: Университетская типография, 1846.

Вишневецкого. Вполне возможно, что князь Дмитрий, будучи в вопросах военного искусства лучшим учеником Бернарда Претвича, немало сделал для того, чтобы польско-литовский опыт организации порубежной службы перекочевал в Московское царство.

В ответ на формирование регулярной порубежной службы крымские татары сменили тактику, и вместо организации походов крупными отрядами численностью в несколько тысяч человек, хорошо видных в степи, стали совершать набеги мелкими группами в 20-100 человек, минуя стражи и укрепленные замки⁴⁸. Организацию противодействия этим группам, а также ответных карательных экспедиций как раз и взял на себя ротмистр Бернард Претвич, со всей тщательностью реализовавший тактическую установку «искать этих разбойников в их собственных норах». Нередко его отряды, насчитывающие 250-300 сабель регулярной конницы и 50-70 ополченцев из числа мещан порубежных городов, сочетавшие высокую мобильность и внезапность действий, доходили до побережья Черного моря, где стояли турецкие крепости, а то и в Крым⁴⁹. Фактически, он первым разработал и апробировал в практике боевых действий нанесение превентивных тактических ударов по кочевьям крымских татар с целью лишить их материальных ресурсов и наступательной инициативы для организации набегов на приграничные земли Великого княжества Литовского и, одновременно, Великого княжества Московского. Главной его целью являлось не физическое поражение живой силы эвентуального противника, а уничтожение организационной и хозяйственной инфраструктуры возможной агрессии: захват верховых коней и обозных лошадей, домашнего скота и запасов продовольствия, разграбление укрепленных порубежных поселений и крепостей, являющихся отправными пунктами для организации набегов. Кроме того, эти рейды на порубежные районы и вглубь территории Крымского ханства преследовали цель освобождение «татарского полона» – христианских жителей окраин Польско-Литовского и Московского государств, увезенных татарам во время набегов, которых они использовали в качестве рабов в собственных хозяйствах или продавали на невольничьих рынках в Турцию, Янину (Албанию) и другие мусульманские страны Средиземноморья. Фактически, пан Бернард Претвич первым в Восточной Европе применил тактику «выжженной земли», в том числе и в прямом смысле этого слова: ежегодно по осени при благоприятных погодных условиях производился пожар степи на несколько десятков километров вглубь Дикого поля, чтобы уже сохнувшая трава не стала источником фуража для лошадей крымских татар, отправившихся в очередной набег за невольниками и скотом (к тому же, на выжженной земле дозорные могли лучше читать следы и более точно определять численность и направление движения отрядов кочевников). Впоследствии эту тактику наступательной партизанской войны панов Н. Сенявского и Б. Претвича князь Дмитрий Вишневецкий перенес на русскую почву и весьма активно и успешно применял, когда несколько лет – с 1556 по 1561 год – служил русскому царю Ивану IV Васильевичу, прозванному впоследствии Грозным.

О походах и подвигах пана Бернарда Претвича и его боевых сподвижников – князей Семена Пронского, Федора Сангушко, Богуслава Корецкого и Дмитрия Вишневецкого – мы знаем из мемуаров самого воеводы, которые им были написаны как дополнения к защитительной речи (так называемой «Апологии»), произнесенной им 14 декабря 1550 года на заседании Коронного Сената в Кракове, созванном по требованию короля Сигизмунда I Старого в ответ на жалобы двора турецкого султана Сулеймана I Великолепного (Пышного) на враждебные действия приграничных польско-литовских старост. По его настоянию было начато судебное следствие, которое, однако, превратилось в чистой воды фарс. Подобно тому, как турецкое правительство, поощрявшее татарские набеги, ссылалось на своеволие и бесконтрольность степных причерноморских кочевников, польский и литовский дворы также покрывали своих пограничных героев, отвечавших «бурсурманам» карательными экспедициями и просто грабительскими налетами. «Когда они появились и начали управляться при воеводе Белзком (пане Николае Сенявском – О.К.) в рыцарской службе, тогда начали зарастать пути и тем мелким ватагам в земли королевские, особенно белгородским и очаковским (татарам – О.К.), которые в то время наибольший вред причиняли, несмотря на мир короля с турецким султаном, а теперь им положен конец усилиями воеводы белзкого и нас, слуг королевских»⁵⁰, – отмечал Барский староста. Из этого фрагмента, в котором самому себе пан Бернард Претвич отводит весьма скромное место по сравнению со своими сподвижниками, можно, однако, сделать вывод, что все они появились на пограничной службе несколько позже, когда всем стало ясно, что с крымскими и днепровскими татарами вполне можно бороться и побеждать их. Что же касается непосредственно князя Дмитрия Вишневецкого, то он, по нашему мнению, появился в окружении пана Бернарда не раньше лета 1548 года, поскольку ранее был занят судебными тяжбами, от которых освободился только по воцелении на польский и литовский престол Сигизмунда II Августа. Вполне возможно, он сделал это вынужденно, чтобы на некоторое время исчезнуть на порубежье из поля зрения двора короля Польского и великого князя Литовского и там окончательно военными подвигами обелиться от последствий уголовного

⁴⁸ L[ubomirski] J. T. Bernard Pretwicz i jego apologia na sejme 1550 r. // Biblioteka Warszawska. – Warszawa, 1866. – Т. 3. – С. 54.

⁴⁹ См., например: Боплан Г.Л.де. Описание Украины / Под ред. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 229-245.

⁵⁰ L[ubomirski] J. T. Bernard Pretwicz i jego apologia na sejme 1550 r. – С. 55-56.

преследования со стороны вдовствующей польской королевы Боны Сфорца за грабеж ее крестьян. Как следует из опубликованных записок пана Б. Претвича, наш герой с 8 июня 1548 по 6 декабря 1549 года непрерывно находился в окрестностях Очакова, ведя активные партизанские действия совместно со «старостою брацлавским князем Богушем Корецьким, старостою барским Бернардом Претвичем, сынами гетьмана Миколи Сенявського Ярошем и Миколою»⁵¹, не только против татар, но уже и против их сюзерена – Блистательной Порты. Именно их успешные и, в традициях того времени, жестокие набеги стали причиной многочисленных жалоб (по-украински – «реєстрах кривд») от турецкого султана на имя короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа, ставших основанием для созыва сессии коронного Сената.

Военно-политические реалии того времени не позволили польско-литовскому монарху, недавно вступившему на престол, проигнорировать заявленные султанским диваном ноты протеста. От имени Коронного Сената было назначено расследование, окончившееся, как мы уже писали выше, слушанием дела 14 декабря 1550 года, на котором Б. Претвич характеризовал князя Дмитрия Вишневецкого «как одного из выдающихся репрезентантов (представителей – О.К.) борьбы з татарами»⁵². Видимо, подобная аттестация со стороны «Стены подольского края» (именно такое уважительное прозвище получил староста Барский и Тереховлянский пан Б. Претвич от своих современников за военные отличия против турок и крымских татар) сыграла немаловажную роль в деле назначения Д.И. Вишневецкого на староство в Черкассы и Канев.

Еще одной причиной данного назначения мог стать резкий рост материального благосостояния князя, который по смерти своего родного дяди бездетного князя Федора Михайловича получил во владение в порядке наследования родовые вотчины, которыми тот управлял как старший представитель этой княжеской фамилии. К их числу относились местечко Перемиль в Луцком повете, пожалованное князьям Ивану и Федору Вишневецким королем Польским и Великим князем Литовским Сигизмундом I Старым 15 июня 1511 года за «ихъ службу намъ веръную, и николи не омешкалю, яко слугъ нашихъ добрыхъ, хотячы ихъ к намъ заховаты охотнейшихъ и поспешнейшихъ ку службе нашей»⁵³ («службу нам верную и поспешную, как слуг верных и добрых, желая их к нам получить за стремление и желание к службе нашей» – О.К.). Увеличение размера земельной собственности князя Дмитрия автоматически повлекло за собой рост численности его феодальной дружины, благо право старшинства среди князей старшей ветви рода и консолидированные в одних руках материальные ресурсы это позволяли сделать. В 1550-1555 гг. князь Д.И. Вишневецкий мог призвать под свои знамена уже порядка 95-100 всадников из числа шляхты, составлявших ядро его феодального войска. Об этом свидетельствуют и данные ревизии Черкасского и Каневского замков в феврале 1552 года: в Черкассах «указаль тежъ старовста служебниковъ своиъ ездо з бронею пятьдесят молодцов приездъчихъ, а тутошнихъ Черкасцовъ и Каневцовъ, которые ему з детку служат, 11, а подводныхъ коней шестнадцать, бубнь, прапор»⁵⁴, всего 61 человек.

Расчет численности феодальной дружины князя позволяет определить размер его земельных владений, от которого напрямую зависело количество воинов, коих он мог призвать под знамена своего герба. После преобразования Киевского княжества в воеводство в 1508 году и выделения из его состава в самостоятельные административно-территориальные единицы земель 5-ти из 8-ми его поветов, превращенных в староства (Остерское, Овруцкое, Житомирское, Черкасское и Каневское), в основу сословного землеустройства были положены так называемые «службы» и «выслуги», размер каждой из которых составлял 10 литовских волок (или 199 десятин – О.К.), и то лицо, которое получало землю в пользование, обязано было по каждому призыву князя или его наместника доставлять с каждой «службы» одного вооруженного воина⁵⁵. Таким образом, зная общее, документально подтвержденное количество воинов князя Дмитрия Вишневецкого – 61, мы можем говорить о том, что он владел не менее 12.000 десятин земли.

Земли Черкасского и Каневского староства были самыми южными в Великом княжестве Литовском, граничили с Диким полем и, следовательно, лежали первыми на пути набегов степняков, а поэтому князь Вишневецкий волей-неволей стал главным защитником южных рубежей Литвы и Польши от регулярных нападений крымских татар. Имевшейся в его распоряжении вооруженной силы из числа шляхетства – так называемого «посполитного рушения» – было явно недостаточно для организации статичной обороны южного порубежья Великого княжества Литовского, да и у самого князя, который сформировался как военачальник в условиях перманентной степной партизанской войны, вряд ли были достаточные знания, навыки и желание для этого. Действительно, имевшихся в подчинении у князя Дмитрия Вишневецкого служилых людей как из числа феодально зависимой от него шляхты,

⁵¹ Ibid. cit.

⁵² Ibid. cit. – С. 57.

⁵³ *Грамоты Великих князей Литовских с 1390 по 1569 год, собранные и изданные под редакцией Владимира Антоновича и Константина Козловского.* – С. 44.

⁵⁴ *Архив ЮЗР.* – Ч. VII. – Т. I. – С. 90.

⁵⁵ *Антонович В.Б.* Киев, его судьба и значение с XIV по XVII столетие // *Моя исповедь: Избранные исторические и публицистические труды.* – Киев: Наукова думка, 1995. – С. 559.

так и из числа «драбов» – регулярной пехоты Великого княжества Литовского, подчиненных своим корпоративным начальникам – ротмистрам, являвшихся одновременно комендантами гарнизонов порубежных крепостей, было явно недостаточно для организации регулярной порубежной службы. Участок рубежа протяженностью почти в 70 верст должны были охранять чуть более 150 человек: 60 воинов дружины князя Д.И. Вишневецкого, Черкасская рота драбов ротмистра пана Николая Розбиского, насчитывавшая 20 копейщиков «в зброяхъ, з корды, да з алебарды, або з ошпы» и 60 стрельцов «з ручницами, з мечи»⁵⁶, а также немногочисленное подразделение драбов из Канева поручика Березовского общей численностью 13 человек⁵⁷. Поэтому ему объективно пришлось искать опору для организации своей мобильной военной экспансии против крымских татар в совершенно иной социальной среде – среди днепровских казаков. В силу административного статуса старосты Черкасского и Каневского ему были подчинены казаки, жившие в среднем течении Днепра вокруг города Черкассы, привлекаемые на литовскую службу как военные наемники (по названию этого города их стали именовать «черкасами»). Около столетия – с последней четверти XVI века до присоединения Левобережной Украины к Московскому государству – «черкасы» представляли собой основную военную силу степей днепровско-донского междуречья, услугами которых охотно пользовались в пограничных стычках друг с другом польско-литовские и московские воеводы. Однако их главными врагами все-таки являлись крымские татары, за счет набегов на кочевья, городки и крепости которых «черкасы» реализовывали свои потребности в провианте, порохе, лошадях, золоте и женах.

Первое известное нам документальное свидетельство о существовании днепровских казаков, являющееся нормативно-распорядительным актом верховной власти Великого княжества Литовского, относится к 1499 году. В уставной грамоте великого князя литовского Александра от 14 мая 1499 года, данной киевскому войту и мещанам о воеводских доходах, говорится: «Который козаки зъ верху Днепра и съ иншихъ сторонъ ходять водою на низъ до Черкасъ и далей, а што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводе десятое (десятую долю, «десятину» – О.К.) мають давати; а коли рыбы привозять зъверху, або зъ низу, просолный и вялыной до мѣста киевскаго, тоди маеть осичникъ воеводинъ (тиун, приказчик – О.К.) то осмотрѣти и обмитити (пометить – О.К.) и маеть на городъ взяти отъ бочки рыбѣ по шести грошей, а отъ вялыхъ рыбѣ и свѣжихъ десятое. А коли привезуть до мѣста киевскаго рыбу свежую, осетры, тогды не мають ихъ цѣликомъ продавать, оли-жъ мусить осичникъ отъ каждого осетра по хребтине взяти, а либо отъ десяти осетровъ десятого осетра»⁵⁸. В 1503 году становятся известными собственно черкассские казаки⁵⁹, которые формируют иррегулярную «Щурову козацьку роту в городе Черкассах»⁶⁰. Однако особую известность как самостоятельная военная сила черкассские и каневские казаки получили во время командования ими старосты Кременецкого пана Предслава Ляндскоронского, с которым они в 1512 году участвовали в разгроме набег крымских татар хана Менгли-Гирея под замком Вишневец, в 1516 году ходили походом под турецкий город Аккерман (ныне Белгород-Днестровский – О.К.), где захватили множество лошадей, рогатого скота и овец, на обратном пути были настигнуты татарами и турками у озера Овидова под Очаковым, но разбили их на голову и возвратились домой с большой добычей⁶¹. Словом, в течение только первой четверти XVI века днепровские казаки, в силу исторической традиции подчинявшиеся старостам Черкасским и Каневским, не без поддержки со стороны верховной власти и отдельных магнатов Великого княжества Литовского превратились в весьма серьезную, но отнюдь далеко не самостоятельную (какой они стали в XVII столетии) вооруженную силу, играющую важную роль в жизни причерноморских степей того времени, с которой уже приходилось считаться всем участникам борьбы за обладание пространствами Дикого поля.

В 1527 году на казаков черкасских и каневских жаловался крымский хан Саиб-Гирей королю Сигизмунду I Старому за то, что они, становясь под татарскими улусами, делали нападения на татар: «Приходят к ним черкассские и каневские козаки, становятся над улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы остановили их, но вы их остановить не хотели; я шел на московского князя, 30 человек за болезнью вернулись от моего войска: козаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это? Черкассские и каневские властители пускают козаков вместе с козаками неприятеля твоего и моего (т.е. московского князя – О.К.) козаками пугивльскими по Днепру под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают вѣсть в Москву»⁶². Как видно из текста этой претензии крымского хана к польско-литовскому королю, черкассские

⁵⁶ *Архив ЮЗР.* – Ч. VII. – Т. I. – С. 90.

⁵⁷ Там же. – С. 104-105.

⁵⁸ *Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.* – Т. I. 1340-1506. – С. 194; Т. 2. – С. 6.

⁵⁹ *Архив ЮЗР.* – Ч. III. – Т. I. Акты, относящиеся к истории православной церкви Юго-Западной России (1481-1596 гг.), / Под ред. Н. Д. Иванишева. – С. 7.

⁶⁰ *Piasecki. Kronika.* – Krakow, 1870. – S. 52.

⁶¹ *Яворницкий (Эварницкий) Д.И.* История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 23.

⁶² *Соловьев С.М.* История России: В 8-ми кн. – Т. V. – С. 434, 437.

казаки не выделяли и не обособляли себя от общерусского национального мейнстрима того времени, считали себя неотъемлемой частью православной ойкумены и рассматривали свою службу Великому княжеству Литовскому или Московскому царству не иначе как исполнение долга перед христианским миром (естественно, и как средство своего биологического существования). Именно поэтому мы видим документальные свидетельства более чем союзнических, можно сказать – дружественных взаимоотношений между путивльскими (формально – московскими) и черкасскими (формально – литовскими) казаками. Фактически, мы определенно можем говорить о том, что казачество как сословный (корпоративный) феномен не был присущ только литовцам и полякам. Это было всеобщее социальное явление, характерное и типичное для окраинных областей всех государств, примыкающих к просторам Дикого поля, – Литвы, Московии, Крыма и Блистательной Порты (правда, в последней военно-сословная корпорация, сходная с казаками – легкие кавалерийские войска, располагавшиеся на границах Османской империи и предназначавшиеся для наступательных операций против ее соседей, называлась «акинджи»).

Предшественником князей Вишневецких на должности старосты Черкасского и Каневского был пан Евстафий (или Остап) Дашкович (?–1535), который, по сути, сумел привлечь под свое командование все днепровское казачество, поставив его на службу себе лично, а посредством этого – Польско-Литовскому государству. Его жизнь и судьба интересны нам тем, что с них во многом буквально списан жизненный путь князя Дмитрия Вишневецкого, который совершил практически те же поступки, что и его предшественник. Евстафий Дашкович воевал сперва против турок и побывал в плену у татар (в 1523 году), служил несколько лет Великому князю Московскому Василию III, затем снова возвратился в Литву к Сигизмунду и получил в управление города Черкассы и Канев на правом берегу Днепра ниже Киева⁶³. Как мы видим, до люстрации Волынского княжества 1545 года и превращения его в воеводство Великого княжества Литовского местные порубежные феодалы особо не отягощали себя вопросом, кому служить – Кракову, Вильно или Москве? Переход от одного сюзерена к другому в интересах борьбы с основным врагом – крымскими татарами и, возможно, турками и зависимыми от последних валахами (молдаванами – О.К.) рассматривался ими не как измена стране или государю, а как своеобразный тактический ход, позволявший им непрерывно воевать или, как тогда говорили, «управляться в рыцарской службе» (по Б. Претвичу) вне зависимости от того, у кого из правителей Московии, Польской Короны или Великого княжества Литовского было в то время перемирие с бахчисарайским двором. Уже в 1528 году черкасские и каневские казаки под начальством Евстафия Дашковича в составе отрядов старосты хмельницкого пана Предслава Ляндскоронского, а также старост винницкого и брацлавского, принимали участие в походе под турецкий город Очаков, в этом котором три раза разбили татар и взяли в добычу 500 коней и 30000 голов скота (данное утверждение приводит в своей монографии Д.И. Яворницкий (Эварницкий) со ссылкой на старопечатную «Хронику всего света» Мартина Бельского, а поэтому это сообщение по другим источникам перепроверить не удалось)⁶⁴. В ответ на это нападение крымский хан Саадат-Гирей в 1531 году осадил город Черкассы и полностью разграбил его окрестности, однако сам замок, обороняемый шляхтой и казаками под предводительством пана Дашковича взять не смог⁶⁵.

Два года спустя, в 1533 году, пан Е. Дашкович представил на сейме в Пиотркове особый проект защиты границ Великого княжества Литовского от татарских вторжений, в котором высказался за необходимость обустройства поблизости к татарским владениям в причерноморских степях, на одном из малодоступных островов Днепра, замка и содержания в нем постоянной стражи из казаков в 2000 человек, которая, плавая по реке на «чайках» (речных баркасах вместимостью до 50 вооруженных человек с 3-4 мелкокалиберными пушками на борту – О.К.), препятствовали бы татарам переправляться через Днепр. К этим 2000 казаков Дашкович предлагал прибавить еще несколько сот человек, которые бы добывали в окрестностях необходимые припасы и доставляли их гарнизону на острова. Предложение Дашковича всем участникам сейма понравилось, но так не было приведено в исполнение⁶⁶, в первую очередь, из-за скорой кончины его автора.

Однако идея Е. Дашковича о строительстве укреплений на островах вблизи днепровских порогов не была забыта, прежде всего, самими казаками из-за стратегически наиболее выгодного их географического положения: они располагались на равном удалении от пограничных крепостей Крымского ханства, Польско-Литовского королевства и Московского государства, что давало их обитателям определенную административную, финансово-фискальную и корпоративную самостоятельность, развязывало руки в организации набегов и даже походов на турецкие, крымско-татарские и ногайские владения в Северном Причерноморье, а по причине своей сравнительной труднодоступности и, следовательно, повышенной обороноспособности местоположения в какой-то мере гарантировало безопасность от судебных преследований и карательных экспедиций. Такое положение дел явно не

⁶³ Миллер Г.Ф. Историческое сочинение о Малороссии и малороссиянах. – С. 3-4.

⁶⁴ Яворницкий (Эварницкий) Д.И. История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 21.

⁶⁵ Антонович В.Б. История Великого Литовского княжества // Монографии по истории Западной России: В 2-х тт. – Т. I. – С. 62-63.

⁶⁶ Яворницкий (Эварницкий) Д.И. История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 22.

устраивало верховную власть Великого княжества Литовского, но она была вынуждена мириться с этим, поскольку реально не имела сколь бы ни было серьезных рычагов воздействия, способных кардинально изменить ситуацию: так, в 1540 году казаки старосты Черкасского и Каневского князя Ивана Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, «ушедших на Москву» из-за королевского запрета совершать набеги на кочевья крымских татар, оставили пограничные замки и засели ниже них на днепровских островах, и чтобы вернуть их обратно князь был вынужден ходатайствовать за них перед королем Сигизмундом I Старым о высылке им глейтового листа (охранной грамоты – О.К.) для безопасного возвращения к местам прежней службы, который был им выдан под названием «Листъ кглейтовый козакамъ Черкасским тымъ, которые до Москвы збегли, на безпечное за се звернение»⁶⁷ (охранная грамота тем черкасским казакам, которые до Москвы сбежали, на безопасное за это возвращение – О.К.). В резолютивной части этого документа, в частности, говорилось: «Ино мы за челомбитьем его даемъ вамъ сесь листъ нашъ кглейтовый, за которым абы есте смеле а беспечнее на листъ старосты Черкасского до оныхъ замковъ и ииде въ панства наши, не выстеречаючися казни за тотъ таковой выступъ свой и каждого, хто за веказаниемъ князя старосты Черкасского въ панства наши вернется, кглейтуемъ сямъ нашимъ листомъ отъ моцы, квалту и всякого насильства» (и по его челобитью мы даем вам эту охранную грамоту, за которой могли смелее и без опаски идти по указанию старосты Черкасского до тех замков и вернуться во владения наши, не остерегаясь казни за то выступление всех и каждого, а кто вернется по указанию князя старосты Черкасского во владения наши охраняем этим нашим листом от взысканий. Осуждения и всякого насилия – О.К.).

В 1541 году король Сигизмунд I писал князю Ивану Каширскому, справцу (управителю – О.К.) Киевского воеводства, что он уже много раз приказывал ему и лаской, и угрозами удерживать казаков от того, чтобы они не ходили на татарские улусы и не чинили там никакой «шкоды», но князь никогда не действовал сообразно королевскому приказанию и казаков от «шкод» не удерживал, позволяя им чинить их: «И теперъ черезъ нашего посла, пана Горностая, перекопскій царь пишетъ намъ, что наши козаки прошлыми разами, неизвестно откуда пришедши, на людей его, которые шли воевать Москву, ударили на Каиры (левый приток Днепра в нижнем его течении – О.К.), 20 человекъ до смерти убили и 250 коней у нихъ взяли, а гонца, который к намъ посланъ былъ, того на Днепре погромили и имущества его себе побрали; кроме того, техъ людей царя перекопскаго, которые в поле кочуютъ, техъ козаки ваши часто бьютъ и имущества ихъ себе забираютъ, а котораго гонца своего брать перекопскаго царя казанскій, къ намъ посылать, и того гонца на Днепре погромили и статки его себе побрали...»⁶⁸. Для того чтобы казаки на будущее время, уходя из Киева на низовье Днепра за рыбой и бобрами, не позволяли себе никакого своевольтва и не чинили никаких «шкод» подданным царя перекопскаго, король отправил в Киев своего дворянина Огрета Солтовича и приказал ему всех киевских казаков списать в реестр и реестр доставить себе. Воеводы должны знать, кто из казаков и сколько их отправляется на низовье Днепра, чтобы после возвращения их назад, можно было с кого спрашивать в случае ослушания и неповиновения королевской воле и приказанию. Аналогичные предписания были направлены и в Черкасское и Каневское староство⁶⁹.

Из описания Черкасского и Каневского староства 1542 года, сделанного по смерти князя Ивана Михайловича Вишневецкого, мы узнаем немало интересных сведений о мирной жизни, быте и хозяйстве тамошних казаков: «Окрое осилыхъ боярь и мещанъ бывають у нихъ прохожіе козаки; сей зимы было ихъ разомъ о полъ-третяста (около 150 человек – О.К.). А кроме того бываетъ тамъ) людей прохожихъ, козаковъ неоселыхъ, а бываетъ ихъ неравно завжды, але яко которыхъ часовъ». «Приходцы» делились на несколько категорий: одни из них добывают в неприятельской земле «бутынки» (добычу) и все лучшее из своей добычи, а также пленников, коней дают старостам по их выборам; другие пребывают по левому берегу Днепра и «живуть тамъ на мясе, на рыбе, на меду с пасекъ, с свепетов и сытять тамъ себе медъ яко дома»; третьи, оставаясь в замке, «ходятъ съ Черкасъ озеръ тыхъ (принадлежащих Черкасскому замку – О.К.) волочити, а которые домовъ въ Черкасахъ не мають, тые дають старосте колядки (передрождественскую подать – О.К.) по 6 грошей и сена косять ему по два дня толоками за его стравой (пропитанием – О.К.) и за медомъ; а которые козаки, не уходячи въ козацтво на поле, а ни рекою на низъ, служатъ въ местахъ (замках или городках – О.К.) боярамъ, або мещанамъ, тьи колядки давати, або сена косити не повинни»⁷⁰. Как мы видим, казаки Черкасского и Каневского староства Великого княжества Литовского не особо утруждали себя образом жизни, свойственным большей части оседлого населения того времени, – они не пахали землю, не разводили домашних животных, предпочитая добывать их мародерством в военных набегах, а из мирных видов деятельности занимались, главным образом, различного рода промыслами: охотой,

⁶⁷ *Прибавления к первому и второму тому Актов для истории Южно и Западной России // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.* – Т. II. 1599-1637. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. – С. 141-142. – № 119.

⁶⁸ Там же. – Т. I. – С. 109.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Описание украинских замков // Киевская старина.* – 1884, август. – С. 589.

рыболовством, бортничеством, или нанимались в услужение частным лицам. Фактически, казаки как такового хозяйства, в смысле обладания недвижимым имуществом, не имели, предпочитая добывать себе репутацию и обеспечивать материальный достаток с оружием в руках, зачастую банальным грабежом.

Одновременно мы можем утверждать, что ко времени управления князем Дмитрием Вишневецким Черкасским и Каневским староством Великого княжества Литовского местное казачество еще не превратилось в обособленную сословную корпорацию (это произошло, как известно, при короле Стефане Батории), имеющую собственную социальную иерархию, выборные органы самоуправления, администрацию, правовые обычаи, военно-организационную структуру и прочие элементы того, что в последствии стало называться казачьим войском. Более того, казаки находились полной в имущественной зависимости непосредственно от старосты, которому были обязаны ежегодным денежным оброком, полевыми работами, а также натуральной десятиной от всего добытого во время хозяйственных промыслов. Все лучшее из военной добычи казаков также доставалось этому представителю великокняжеской администрации. Более того, уже неоднократно цитировавшиеся выше материалы ревизии Черкасского и Каневского замков февраля-марта 1552 года указывают в числе источников «доходов старостинных» непосредственно «доход и службу от казаков»: «Козаки, которые домовъ тамъ въ Черкассахъ не мають, и тые дають старосте колядки по шестижъ грошей и сена косять ему по два дни на лете толоками за его стравою и за медомъ. А которые козаки, не отходячи у козацъство на поле, але рекою у низъ, служатъ в местехъ в наймехъ бояромъ або мешаномъ, тые старосте колядки давати, ани сена косити не повинни»⁷¹. Все эти обстоятельства позволяют говорить нам о том, что с историко-правовой точки зрения взаимоотношения между князем Дмитрием Вишневецким и его казаками строились на основании договора личного или индивидуального найма, согласно которому староста предоставлял казаку самостоятельно заботиться о своем пропитании на подведомственных ему землях за небольшую натуральную или денежную плату, а казак был обязан по первому слову князя выступить в поход под началом назначенных им командиров. Любое отклонение от этих условий грозило казаку изгнанием, а то и административным преследованием («мечью» в терминологии того времени) со стороны старосты Черкасского и Каневского. Таким образом, казаки были военными или даже военно-хозяйственными наемниками лично у князя Вишневецкого и не образовывали в то время самоуправляющейся служилой корпорации, в которую они превращаются только тридцать лет спустя. Именно поэтому мы можем с полной уверенностью отвергать утверждения большинства малороссийских, советских и современных украинских историков о том, будто бы князь именно Дмитрий Иванович Вишневецкий явился основоположником запорожского казачества и, тем более, – Запорожского казачьего войска (Запорожской Сечи).

Именно эти социальные элементы составили основную массу отрядов князя Д.И. Вишневецкого после того, как в 1550 году он был назначен старостой в Черкасское и Каневское воеводство. Первые годы своего управления этими землями он объективно должен был потратить на преодоление последствий татарского набега 1549 года на южные поветы своих владений, в результате которого, о чем мы уже писали выше, в плен был захвачен его дядя, князь Федор Михайлович с женою. С большой степенью вероятности можно предположить, что в 1550-1553 гг. князь Дмитрий Вишневецкий не мог вести активных наступательных действий, вынужденно сосредоточившись на решении чисто хозяйственных вопросов: обустройстве сельского населения, ремонте укреплений, наборе и обучении шляхты и казаков, создании запасов продовольствия, вооружения, пороха, свинца, фитилей. Принято считать, что в эти годы параллельно с руководством хозяйственными работами и военными приготовлениями князь Дмитрий активно занимался изучением предстоящего театра боевых действий: с его именем многочисленные авторы, например, стойко связывают доказательство возможности преодоления днепровских порогов и движении вверх по течению от острова Хортица непосредственно до города Черкасы⁷². Кроме того, считается, что князь Дмитрий Вишневецкий предложил казакам, занимающимся рыбной ловлей, использовать для постановки сетей ялики с разборным остовом, обтягиваемым выделанными воловьими шкурами, которые было легко разбирать и переносить, не платя при этом денежного сбора за право иметь плавательное средство⁷³.

Однако военно-административная деятельность князя Д.И. Вишневецкого в должности старосты Черкасского и Каневского не принесла ни ему лично, ни Великому княжеству Литовскому особых позитивных результатов. Как это нередко бывает и в наши дни, талантливый военачальник оказался бездарным хозяйственником, загубившим возложенное на него королевем делом по преодолению последствий татарского набега. Полная некомпетентность князя Дмитрия Вишневецкого в хозяйственных вопросах вскрылась в результате ревизии (люстрации) Черкасского и Каневского замков в фев-

⁷¹ *Архив ЮЗР.* – Ч. VII. – Т. I. – С. 82, 97.

⁷² *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. – Киев: Университетская тип., 1910. – Вып. 2. – Табл. XV.

⁷³ *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и её народе и казаках вообще: Отколе и из какого народа оные происхождение своё имеют. – М.: Тип. И.Ф. Готье, 1848. – С. 46.

рале 1552 года⁷⁴. Дошедшие до наших дней описания их состояния рисуют нам картину запустения и разрухи укреплений, мало способных обеспечивать оборонительные функции, и это несмотря на то, что восстановительные работы длились уже почти два года. В описании Черкасского замка читаем: «Замокъ Черкасский отъ трехъ годовъ людьми добродревцы, т.е. Волощаны поднепровскими верховными, справою державца Могилевского негды Федора Баки, рублень, з дерева соснового отесеноваго, не облепленъ нежли четвертая часть отъ места, што приступнейша, так на тотъ часъ пескомъ присыпана за плотомъ хворостянымъ, голымъ, необмазаннымъ» (т.е. замок срублен три года назад из сосновых бревен, но никаких мер по обеспечению противопожарной безопасности на случай поджога татарами не сделано за исключением накопления запасов песка – О.К.), и далее: «Вежъ четыре: три из нихъ совитыми стенами рублены, повыведены над стены. Городень 29; бланкованье на нихъ с подсьбитием. Две городни не накрыты, а в некоторыхъ городняхъ помостовъ немало повыбирано. А все будованье то замково унижоно; можетъ на некоторыхъ местахъ человекъ, на земле стояти, бланкованья, а подсьбитья кием достигнути...» (т.е. из четырех башен только три выведены выше стен, из 29 стеновых прясел два не имеют перекрытого боевого хода, а в некоторых отсутствуют помосты боевого хода, стены невысокие настолько, что в отдельных местах человек, стоя на земле, может копьем достать до бруствера боевого хода – О.К.). Внешние фортификационные сооружения также оставляли желать лучшего: в частности, при перестройке замка внешний обводной ров почему-то частично оказался внутри новых крепостных стен («Просторность замку удолжь сажень 30, а въ поперекъ отъ стены, которая отъ Днепра, до рову, который теперь въ замку, сажень 17»), новый же ров был только обозначен на местности («перекопъ подъ тою стороною почать вширки чотырохъ сажонъ, а глубины выкопано мало болше сажня»). Выявленная непригодность замка к организации в нем обороны потребовала дополнительных материальных и физических затрат для усиления его укреплений: «А такъ замокъ тотъ Черкасский потребуеъ теперь наипилне ... на тринадцати саженой повышания горы, а глубины перекопу што найболей, а потребуеъ тежъ облепенья глиною везде и затамованья горы...» (т.е. замок требует увеличения высоты стен на 13 саженой – почти на 10 метров, максимального углубления рва, видимо, до уровня подземных вод, а также полного оштукатуривания в целях предотвращения возможного поджога во время очередного татарского набега и эскарпирования склонов горы для затруднения продвижения по ней возможного неприятеля – О.К.).

Главной причиной плачевного состояния укреплений Черкасского замка стал волюнтаризм князя Д.И. Вишневецкого, который без должной оценки реалий решил параллельно с ремонтными работами по восстановлению последствий татарского набега 1549 года, возвести новое укрепление в другом месте. В материалах ревизии 1552 года читаем: «Тамъ же в Черкассах замокъ ново початый справою Ошъпановою, вал землею да хворостомъ нагачонъ у вышки на 7 локоть, у тольсто на польосми локтя, отамован с подворья дошками»; «еще межи того нового замку з места и острога учинено тогожъ Ошъпана осыпание валом..., просторность окопу того в середине удолжь сажонъ сорокъ и два, а ширики 26». Однако эта затея провалилась из-за нежелания жителей Черкасс и окрестностей перебираться на новое место («нижъли нехотять Черкашине ку тому новому замьку переселиватися, мянечи тамъ небезпечность большу, а просторность замку того непомерное, не по людехъ, а безводье и отдаленье от Днепра, откуда имъ часу обложенья мог бытии ратунок...»), а поэтому начатое было строительство было попросту брошено на произвол судьбы. Ресурсы на реализацию этой своей утопии князь позаимствовал из материальных средств, выделенных Коронай Польской на реконструкцию старого замка, в результате чего и он не был до конца восстановлен и приведен в боеготовность, и новые укрепления не были возведены.

Состояние Каневского замка, не подвергавшегося долгое время нападениям крымских татар, оказалось еще более плачевным: он обветшал настолько, что оказался малопригоден для организации в нем обороны. Материалы ревизии февраля-марта 1552 года свидетельствуют: «Замок Каневский за польччервернадцати летъ за пана Остафья Дашковича людьми добродревцы рублен з дерева соснового, але вже ветохъ, погнило и попадало, будованья много, трудна на немъ не толко оборона, але и сторожа, бо нельзя вже ходити по бланькахъ; што не попадало, ино и то ледни отъ витру колышется». И далее: «А по другой стороне, вшодши в замок по праву, подле вежи воротное дом при земли гнилый, а там близко того дому в городне заимненье, где порохи и иншие потребы ку стрелбе ховають, але хованье там и покрытье лихо»; «тайник, что былъ з замку землею ку Дннепру уделанъ, тепер опушонъ, уделан помостомъ и землею»⁷⁵.

Словом, Канев, как и Черкассы, назвать укрепленным городом можно было с исключительной натяжкой, однако деньги на их полную реконструкцию князю Дмитрию Вишневецкому из королевской казны были выделены, но какова оказалась польза от этого ассигнования, ревизия ответить не смогла. И сам князь, по-видимому, тоже. Поэтому памятуя о еще недавнем уголовном преследовании за разграбление крестьян королевы Боны Сфорци, вдовы Сигизмунда I Старого и матери Сигизмунда II Августа, князь Дмитрий, не дожидаясь опалы и расправы, бежал в сторону турецких владений в Се-

⁷⁴ *Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Ч. 7, Т. I. – С. 77, 90-91.

⁷⁵ *Архив ЮЗР*. – Ч. VII. – Т. I. – С. 92.

верном Причерноморье, чтобы там переждать следствие и дожидаться реакции короля Польского и великого князя Литовского на его результаты.

Известно, что летом 1553 года со всеми имеющимися у него силами прибыл к коменданту турецкой крепости Озю (Очаков – О.К.) и пробыл там несколько месяцев, находясь в переписке со стамбульским двором султана Сулеймана I Великолепного. 15 июня 1553 года король польский и великий князь литовский Сигизмунд II Август писал по этому поводу великому гетману Литовскому (командующему войсками Великого княжества Литовского – О.К.) пану Николаю Христофору Радзивиллу Черному: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем козацтвом или хлопством, которое возле него проявлялось...». Вскоре эту информацию Н.Х. Радзивиллу подтвердили лазутчики, который на основании их донесений сообщал королю о том, что князь Вишневецкий «... со всей своей ротой, то есть со всем казачеством и хлопством, которое держал около себя, съехал к туркам, выслав заранее казацкую роту, а выключая и сам со своими казаками потянулся в Турцию»⁷⁶. Вряд ли князь просился на султанскую службу, как это предполагают многие историки, скорее речь может идти о просьбе покровительства и защиты лично для него и его людей от возможного гнева польского короля. Не следует забывать, что вторым браком отец героя нашего повествования – князь Иван Михайлович был женат на дочери валашского господаря Магдалене Александровне Дешпот, а поэтому сам он приходился свойственником этой династии вассалов Османской Порты, что давало ему вполне законное право просить у султана приюта от жизненных невзгод. Факт нахождения некоторое время князя Дмитрия под патронатом султана Сулеймана II Великолепного подтверждается и материалами дипломатической переписки между виленским и бахчисарайским дворами: так, впоследствии при отправке посольства к крымскому хану Девлет-Гирею I 2 мая 1557 года король Сигизмунд II Август наказывал пану Размусу Богдановичу Довгиру сказать хану в оправдание набега казаков князя Д.И. Вишневецкого на Очаков 1556 года и доказательство его личной невиновности в этом, что он не мог этого сделать хотя бы потому, что в свое время находился под покровительством султана: «... и потом поразумети можете, братъ нашъ, же и до Цесаря, его милости, Турецкого земли ходилъ надъ волю нашу, и яко тамъ принять былъ, то вам ведомо быть може, бо онъ вернувшись до панствъ нашихъ поведаль, же тамъ жалованиемъ осмотренъ былъ, да и отъ тебе, брата нашего, ласку зналъ...»⁷⁷.

Следствие о недостатках в реконструкции Черкасского замка и сопровождавших ее растратах королевских субсидий показало полную административную некомпетентность князя, но также доказало и его личную честность и бескорыстность. А поэтому 4 марта 1554 года князь Дмитрий Вишневецкий при посредничестве великого гетмана Коронного пана Николая Сенявского встретился с королем Сигизмундом II Августом в местечке Каменна близ Люблина и смог с ним объясниться, а поскольку от растраты королевских денег, выделенных на ремонт Черкасского замка, никакой корысти он лично не выгадал, то по окончании аудиенции вновь отправился на порубежную службу в среднее Поднепровье, вернув себе вновь должность старосты Черкасского и Каневского⁷⁸.

Вернувшись весной 1554 года на Черкасы и Канев, князь Д.И. Вишневецкий стал готовить опорную базу для организации противодействия крымско-татарским набегам на окраинные земли Великого княжества Литовского, как тому его учили паны Н. Сенявский и Б. Претвич. Воплощая в жизнь идею Е. Дашковича об устройстве для этого на одном из запорожских островов Днепра особого замка, он начинает строительство укреплений на острове Хортица. Точную дату начала строительства на основании сохранившихся источников назвать сегодня уже невозможно, хотя попытаться вычислить ее с точностью до полугода почти реально, но уже не по польско-литовским, а по русским источникам, которые окончание строительства островного замка людьми князя Вишневецкого датируют событиями 1556 года, речь о которых более подробно пойдет ниже. Возведение деревянно-земляного укрепления для гарнизона численностью в 1000 человек в те времена представляло собой весьма трудоемкую задачу даже для мест, где строительные материалы находились рядом и в изобилии (для сравнения скажем, что сопоставимый по линейным размерам Дедиловский острог, возведенный на южных рубежах Московского государства для обороны бродов через реку Шиворонь со стороны Муравского шляха и рассчитанный также на 1000 человек гарнизона, строился почти два года – в 1552-1553 гг.⁷⁹). Строительство днепровского замка происходило в объективно более тяжелых условиях: для возведения его стен бревна приходилось заготавливать в верхнем течении Днепра, затем сплавлять их вниз по реке до порогов, выволакивать их на берег, перевозить их по суше до траверза острова, а затем переправлять их через протоку. На острове их приходилось сушить, чтобы они не сгнили через год-два, а затем только устанавливать в венцы стены. Естественно, все эти действия требовали дополнительных затрат времени, материальных и людских ресурсов, а поэтому сам срок строительства Хортицкого замка мог растянуться до трех лет и даже более. Следовательно, возведение людьми князя Дмитрия Вишневецкого этого островного укрепления с большой

⁷⁶ Яворницкий (Эварницкий) Д.И. История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 25.

⁷⁷ Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского... – № 86. – С. 135.

⁷⁸ Яворницкий (Эварницкий) Д.И. История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 26.

⁷⁹ Разрядная книга 1475-1598 гг. – С. 156.

степенью вероятности может датироваться 1554-1556 гг., а само его окончание стало отправным моментом активных военных действий князя против Османской империи и Крымского ханства.

Готовясь к ведению самостоятельных, как выяснилось впоследствии – на собственный страх и риск, боевых действий в Северном Причерноморье (как это до него делали Е. Дашкович и Б. Претвич, являвшиеся, по сути, его учителями в военном искусстве наступательной партизанской войны), князь Д.И. Вишневецкий проявил себя еще и как незаурядный политик. Осознавая стратегическую выгоду местоположения Хортицкого замка, он прекрасно понимал и тактическую уязвимость этого места, – островная крепость днепровскими порогами была отделена от основной базы своего снабжения – Черкасского и Каневского староства, а поэтому была уязвима как от внезапного нападения, так и от войны на два фронта, если бы против нее выступили отряды крымских татар и московских служилых людей. Чтобы избежать такой опасности, действуя вполне в духе того времени, князь Вишневецкий решил если не заручиться поддержкой царя и великого князя Московского Ивана IV Васильевича, то хотя бы обезопасить себя от возможного удара в спину с северо-востока на то время, пока он будет воевать в Причерноморье. А поэтому он добровольно принял на себя обязанность информировать московское правительство обо всех ставших ему известными перемещениях отрядов крымских татар в Диком поле, которые могли бы угрожать окраинным русским землям.

В русских письменных источниках имя князя Д.И. Вишневецкого впервые упоминается в 1556 году в связи с тем, что в конце мая – начале июня известил царя Ивана IV Васильевича о выходе крымского хана в поход на московские земли. Как свидетельствуют разрядные записи, «...того же лета июля 2 день по вестем князя Дмитрея Вишневецкого, что царь крымской вышел со многими с прибылыми людьми, и царь и великий князь приговорил для своего дела и земского идти на Коломну по вестем...»⁸⁰ (т.е. приказал вывести русские дворянские полки поместного войска на рубеж обороны по Оке – О.К.). Предвидя грядущие тяготы продолжения своей борьбы с Крымским ханством и Оттоманской Портой, князь, видимо, если еще и не задумывался о переходе под руку Московского государства, то, по крайней мере, стремился получить благорасположение русского царя и его воевод, обеспечивая тем самым безопасность своего тыла и помощь со стороны русских служилых людей. Похоже, что выгода для союзников была обоюдной: казаки Д.И. Вишневецкого получали от Москвы материальную и техническую помощь и одновременно являлись своеобразным ертаулом (сторожевым полком – О.К.) впереди юго-западных рубежей Московской Руси, информируя царское правительство о готовящихся походах крымчаков.

Об этом сотрудничестве свидетельствует факт участия части казаков князя Д.И. Вишневецкого в боевых действиях русских отрядов, направленных царем Иваном IV Васильевичем весной 1556 года для атаки Крыма с целью нанесения превентивного удара по татарским кочевьям: один отряд под началом воеводы Д.И. Чулкова действовал в нижнем течении Дона, другой же отряд, предводительствуемый дьяком М.И. Ржевским, направился в долину Днепра. По мнению Ш. Лемерсье-Келькеже, в марте 1556 года к служилым людям князя Михаила Ржевского присоединились около 300 казаков Д.И. Вишневецкого под командованием атамана Михаила Млынского (он же Мина). В июне, когда значительные силы крымских татар выступили в свой очередной набег на южные окраины Московского государства (о чем князь, как уже было сказано выше, заранее предупредил московского царя), союзники спустились вниз по течению Днепра, разграбили окрестности Ислам-Кермена и даже атаковали турецкую крепость Озю (нынешний Очаков). На обратном пути в Московию татары, которые этим нападением на свои земли оказались вынужденными отказаться от похода на южно-московские земли, окружили войско М.И. Ржевского и отряд казаков князя Д.И. Вишневецкого на одном из днепровских островов, но после шестидневной осады союзникам удалось вырваться из кольца окружения⁸¹.

Однако существует иной взгляд на содержание и итоги совместного похода 1556 года русских служилых людей и казаков князя Дмитрия Вишневецкого во владения Крымского ханства в нижнем течении Днепра, который принадлежит А.И. Лызлову. Автор «Скифской истории» описывает его следующим образом: «Государь..., советував с советники своими, посла оное преждереченное воинство в помощь ко князю Дмитрею Вишневецкому, иже живяще на низу Днепра реки между запорожскими казаками на острове Хортицком, служащи кралю полскому, такожде государю нашему верно. И тако оное воинство, с ними же Вишневецкой с литовскими и черкасскими казаки, приидоша Днепром к городу Аслан-Кирменю (Ислам-Кирмену – О.К.), идеже отогнаша стада лошадей и всякого скота.

Потом поидоша вниз Днепром и приидоша ко граду Ачакову. И острог взяша, и турок и татар побиша и живых взяша, и поидоша назад. И приидоша на них ачаковский и тягинский сенжаки с воинствы (турецкие войска под командованием комендантов крепостей Очаков и Бендеры – О.К.). Российское же воинство заседоша у реки в тростях (в тростнике – О.К.) и из пищалей многих татар побиша, а сами со всеми здраво отидоша. И паки приидоша к Аслам-Кирменю и стада на острове.

⁸⁰ *Разрядная книга 1475-1598 гг.* – С. 162.

⁸¹ *Лемерсье-Келькеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов.* – С. 54.

И тамо прииде на них калга-салтан (первый наследник ханского престола и главнокомандующий войсками Крымского ханства в отсутствие сюзерена – О.К.) со всеми татарами, и князи, и мурзами, и бысть им бой велик чрез шесть дней. И отогнаша у татар стада конские к себе на остров, и потом поидоша по Надднеприю вверх по полской стороне (по правобережью Днепра, принадлежавшему Великому княжеству Литовскому – О.К.), и разыдоша с татарами, Богом храними, здорово; а татар многих из пищалей побили и поранили»⁸².

Несмотря на общность фабулы повествования А.И. Лызлова и Ш. Лемерсье-Келькеже, рассказ о событиях лета 1556 года, принадлежащий перу первого российского историка, содержит ряд принципиальных моментов и интересных для нас оценок, отличных от позиции французского историографа. Во-первых, А.И. Лызлов пишет, что отряд дьяка М.И. Ржевского был вспомогательной экспедиционной силой в этом походе, а его основной ударной группировкой являлись «литовские и черкасские» казаки князя Д.И. Вишневецкого. Во-вторых, он определенно называет князя вассалом одновременно двух монархов – польско-литовского короля и московского царя. В-третьих, объектом нападения автор «Скифской истории» считает не владения Крымского ханства в причерноморских степях, а заморские территории Блистательной Порты, и называет турецкие войска первыми среди сил, участвовавших в отражении этой атаки. Как бы то ни было на самом деле, участие черкасских и каневских казаков в походе русских служилых людей к низовьям Днепра 1556 года объективно вывело князя Дмитрия Вишневецкого в число наиболее активных участников военно-политического противостояния в Северном Причерноморье того времени.

Несмотря на почти полную неудачу экспедиции, она стала фактом чрезвычайной значимости – подлинно переломным моментом в отношениях между Московским государством, Крымским ханством и Блистательной Портой. «Неслыханное дело, – писал С.М. Соловьев, – московские люди появились на Днепре, ходили вниз, искали татар и турок в их собственных владениях»⁸³. Солидаризируясь с мнением С.М. Соловьева, добавим также, что в лице князя Д.И. Вишневецкого и его казаков русские служилые люди приобрели не только братьев по оружию, прекрасно знающих театр военных действий в среднем и нижнем течении Днепра, но и базу снабжения предстоящих боевых операций в этом районе степей в виде укреплений на острове Хортица. Таким образом, личность князя Вишневецкого становилась ключевой для реализации военно-политических устремлений Московского государства в Среднем и Нижнем Поднепровье, что предопределило дальнейшее сближение князя и правительства царя Ивана IV, завершившееся его переходом на русскую службу.

О своих подвигах против татар и турок на Днепре летом 1556 года князь Вишневецкий не замедлил известить короля Сигизмунда II Августа через служебника Миску (т.е. казачьего атамана Михаила Млынського), прося у него королевской протекции. Однако ответа от своего сюзерена он дождался только через год, да и не того содержания, на которое рассчитывал. Все это время его посланник находился, фактически, под домашним арестом, а сам князь пребывал в полном неведении относительно реакции своего монарха. А тот все это время вел активные переговоры с крымским ханом Девлет-Гиреем, пытаясь дипломатическими средствами умиротворить того и сохранить шаткое состояние мира с южным соседом в условиях военной активности русских в Прибалтике с началом Ливонской войны 1556-1583 гг.

Польско-литовская дипломатия в этот промежуток времени прилагала огромные усилия, чтобы дезавуировать участие если не людей, то хотя бы самого князя Д.И. Вишневецкого лично в походе под Очаков 1556 года. Посол при бахчисарайском дворе пан Размус Довгир летом 1557 года передал хану Девлет-Гирею I два листа (послания) короля Сигизмунда II Августа, в которых тот, по сути, брал князя на поруки, стремясь обелить его имя в глазах крымского монарха. Говоря, как об этом мы уже писали выше, о том, что князь тремя годами ранее обращался за покровительством к турецкому султану, получил и его, и знаки расположения самого крымского хана, король Сигизмунд II Август указывал Девлет-Гирею I, что именно эти обстоятельства вынудили его поручить Д.И. Вишневецкому строительство Хортицкого замка для воспрепятствования литовским казакам совершать несанкционированные набеги на окраины Крымского ханства, а также для того, чтобы перекрыть московским служилым людям возможность совершать походы от Путивля по реке Псел в среднее и нижнее течение Днепра. Великий князь Литовский писал крымскому хану: «Съ тое причины розумели есмы, же большей будетъ схилень людемъ вашимъ и недопуститъ козакомъ шкоды чинити улусомъ и чабаномъ Цесара, его милости, Турецкого, позвавши ласку и жалование, и про то поручили есмы ему сторожу польную...»⁸⁴. Как мы видим из текста этого королевско-велокопняжеского дипломатического послания, князь Дмитрий Вишневецкий был отнюдь не самостоятелен в деле возведения островного укрепления за днепровскими порогами, он осуществил строительство Хортицкого замка по воле или хотя бы с согласия польско-литовского монарха и, вполне вероятно, на государственные средства, причем, как писал Сигизмунд II Август Девлет-Гирею I, главной целью возведения этой пограничной крепости являлось, в первую очередь, противодействие московской военной экспансии в западной

⁸² Лызлов А.И. Скифская история. – С. 143-144.

⁸³ Соловьев С.М. История России: В 8-ми кн. – Кн. VI. – С. 493.

⁸⁴ Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского... – № 88. – С. 139.

части Дикого поля: «ведь же естли оный замочок остоиться, и к нашей руке будет держанъ, може быти отътоль безпечъная сторожа для покою между панствъ, а Московскимъ козакамъ на Днепръ ходити нелзе будетъ»⁸⁵. Поэтому мы не можем однозначно говорить, как это делают многие мало-российские и современные украинские историки, о том, что Хортицкий замок стал местом зарождения самостоятельного запорожского казачества, – это был типичный казенный пограничный замок с гарнизоном, содержащимся за счет доходов с государственных имений, переданных в частное управление князю Д.И. Вишневецкому (правда, построенный в нетипичном месте, что принципиального значения для понимания его административно-правового статуса не имеет).

Не получив в кратчайшие сроки, как это бывало ранее, никакого вразумительного ответа от Сигизмунда II Августа на свои реляции о победе над крымскими татарами под Ислам-Керменем и над турками под Очаковом, в начале осени 1556 года князь направил в Москву своего представителя, чтобы сообщить царю о своем скорей вынужденном желании окончательно порвать узы вассалитета с польско-литовской короной и уйти со службы короля Сигизмунда II Августа и стремлении перейти под покровительство Русского государства (посланец прибыл в Москву между 27 сентября и 5 октября). Летопись свидетельствует: «...приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа русии от Вишневецкого князя Дмитрея Ивановича бити челом Михайло Есковичъ, чтобы его государь пожаловал, а велел себе служите. А от короля из Литвы отъехал да на Днепре на Кортицком острове (на острове Хортице – О.К.) город поставил против Конских вод у Крымских кочевий. И царь и великий князь послал к Вишневецкому детей боярских Ондreja Щепотева да Нечая Ртищева да того же Михаила с опасной грамотой и с жалованием»⁸⁶. 16 октября направленные к князю Вишневецкому дворяне вернулись в Москву и сообщили, что он принял присягу: «...а приказал князь Дмитрей, что он холоп царя великого князя и правду на том дал, что ему ехать ко государю...», а сам выступил в поход «...воевати Крымских улусов под Ислам-Кермень, служаца царю и великому князю»⁸⁷.

Поход под Ислам-Кермен должен был показать московскому правительству боеспособность вновь приобретенной военной силы, поэтому, как представляется, князь выбрал то операционное направление против Крымского ханства, обороноспособность которого была наиболее ослаблена летним походом русских служилых людей под командованием Д.И. Ржевского. Князю Д.И. Вишневецкому была нужна громкая победа, чтобы убедить царя Ивана IV в своей полезности, поэтому он выбрал целью своего нападения самое уязвимое в то время место в обороне Крымского ханства и без особого труда одержал верх над кочевниками.

В декабре того же года русский посол в Крыму князь Ф.Д. Загряжский сообщил царю, что хан готовился к войне все лето и даже просил помощи от своего сюзерена – турецкого султана, но так и не смог осенью отразить нападения отряда князя Д.И. Вишневецкого на Ислам-Кермен, – князь этот город взял штурмом 1 октября, в праздник Покрова пресвятой Богородицы. Как сообщают летописи, «...сее осени, о Покрове, у него (т.е. у крымского хана – О.К.) Вишневецкой князь Дмитрей город взял Ислам-Кермень и людей побил и пушки вывез к себе на Днепр в свой город»⁸⁸.

Однако и эта громкая победа над крымчаками, и милостивое благорасположение русского царя не подвигли князя Дмитрия на окончательный разрыв с Речью Посполитой. Видимо, где-то в глубине души он лелеял надежду на то, что в Великом княжестве Литовском его военные подвиги будут по достоинству оценены и вознаграждены. Однако этого не случилось: приватные переговоры князя с русским царем очень быстро стали известны Сигизмунду II Августу, который уже летом стал считать Вишневецкого изменником (по крайней мере, для целей внутренней политики, поскольку в переписке с бахчисарайским двором польско-литовский монарх еще не раз упоминал имя князя Вишневецкого как своего пусть своевольного, но подданного). Об этом вполне определенно свидетельствуют документы дипломатических отношений между Московским царством и Польско-Литовским королевством того времени. В частности, в челобитной московского посла при дворе Сигизмунда II Августа боярина Ивана Михайловича Воронцова «со товарищи» от 8 сентября 1556 года указывается, что «...сказывал им Гришка Жуков сын Левшина: князь Дмитрей Вишневецкой отъехал к Москве, а с ним Тишковых два, Юшко до Офона...»⁸⁹. Сам факт упоминания наряду с именем князя еще и представителей местной шляхты свидетельствует о том, что Д.И. Вишневецкий перешел на русскую службу не только с подчиненными лично ему черкасскими и каневскими казаками, но и взял с собой согласившихся на смену сюзерена землевладельцев.

Осенний поход 1556 года князя Д.И. Вишневецкого на Ислам-Кермень получил неоднозначную оценку в историографии: так, украинский советский исследователь В.А. Голубуцкий, описывая его, добавляет, что «нападение на Ислам-Кермен было по существу первым и в то же время последним самостоятельным выступлением князя против татар...»⁹⁰, однако французская археограф Ш. Лемер-

⁸⁵ Там же. – С. 140.

⁸⁶ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 262-263. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 238-239.

⁸⁷ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 275-276. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 251.

⁸⁸ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 277. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 252.

⁸⁹ Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 59. – С. 530.

⁹⁰ Голубуцкий В.А. Запорожское казачество. – С. 79.

сье-Келькеже считает, что «это утверждение противоречит всем турецким источникам», а сам Д.И. Вишневецкий сохраняет самостоятельность действий вплоть до поступления на русскую службу осенью 1557 года, еще немало повоевав до этого с Крымским ханством⁹¹. Однако, как видно из приведенных выше русских летописных записей и документов дипломатической переписки, ни одно из этих утверждений нельзя считать справедливым: князь атаковал и взял штурмом Ислам-Кермен, уже «служаца царю и великому князю», получая за свои ратные труды денежное жалование и материальное снабжение своего отряда продовольствием, свинцом и порохом из государственной казны Московского царства. Единственным, что выделяло Д.И. Вишневецкого в тот момент среди русских военачальников, являлось наличие у него самостоятельного наемного войска, подчинявшегося непосредственно только ему. Фактически, в 1556 и, возможно, еще в 1557 году князь Вишневецкий, возглавляя личную армию ландскнехтов, был кондотьером, т.е. предводителем военных наемников, поступившим в силу военно-политических обстоятельств на русскую службу. А поэтому в полной мере считать его «холопом русского царя» также не приходится. И таковым он оставался до тех пор, пока ему не были подчинены отряды дворянской конницы и стрельцов, с которыми он совершил свои знаменитые походы в земли Крымского ханства 1558-1560 годов.

На наш взгляд, основной причиной затянувшегося «переходного» периода со службы королю и великому князю Сигизмунду II Августу на царскую службу к Ивану IV явилась жадность и корыстолюбие князя Дмитрия Вишневецкого: он, стремясь получить денежное довольствие и материальное снабжение сразу же из двух враждебных друг другу источников, до последнего тянул с прибытием в Москву, куда его звали еще летом 1556 года. Совершенно очевидно, что он надеялся на военную и техническую помощь со стороны польско-литовского государства, у которого одновременно с московским правительством Избранной Рады просил подкреплений «людми и стрелбой», т.е. стрелками и артиллерией, что было для него особо актуально в преддверии ожидаемого им карательного похода из Крыма против его замка на о. Хортица.

Действительно, в январе 1557 года крымский хан Девлет-Гирей I практически всеми имеющимися у него силами атаковал укрепления Д.И. Вишневецкого на Хортице, которые осаждал и штурмовал 24 дня подряд, но так и не смог взять, о чем князь сразу же проинформировал как короля и великого князя Сигизмунда II Августа, так и царя Ивана IV Васильевича. В мае князь прислал в Москву «...казаковъ Дениска Малого съ товарищи...», а писалъ ко государю, что царь Крымской Девлет-Кирей съ сыномъ и со всеми людьми Крымскими прихидилъ подъ его городъ на Хордецкой островъ и приступалъ (т.е. штурмовал – О.К.) дватцать четыре дни, и Божим милосердием и царя и государя великого князя именемъ и счастиемъ от царя (Девлет-Гирея – О.К.) отбилъ и побилъ у царя многихъ людей лутчих, и пошелъ царь отъ него съ великимъ соромом. И докуды въ томъ городе люди будутъ царскимъ Великого князя именемъ, и Крымцовъ на войну ходити никуда нелзе»⁹². Действительно, после Судбищенской битвы 1555 года, в которой степняки потеряли весь обоз и огромные табуны лошадей, захваченных русскими, для Крымского ханства была чрезвычайно актуальной угроза флангового удара людей князя Вишневецкого по кочевьям в случае направления в поход на Московское царство основных сил крымских татар.

Документы дипломатической переписки между виленским и бахчисарайским дворами несколько по-иному трактуют неудачу карательного похода крымчаков против Хортицкого замка, где, как писал Сигизмунд II Август хану в листе (послании) от 2 мая 1557 года, «вы, братъ нашъ, его (т.е. князя Вишневецкого – О.К.) добывали зъ великимъ войскомъ вашимъ, пришедши тое зимы Генръваря мѣсяца и болшей трохъ недель тамъ есте стояли подъ онымъ замкомъ»⁹³. И даже великий князь Литовский прямо обвиняет хана Девлет-Гирея I в том, что он своим походом спровоцировал Д.И. Вишневецкого на поиск союза с Московским государством и его окончательный переход на царскую службу.

Отражение зимнего нападения крымских татар на Хортицкий замок стало сигналом и для короля Сигизмунда II Августа, что пришло время окончательно определиться в своем отношении к военной деятельности князя Дмитрия в нижнем Поднепровье. Перед этим монархом стояла непростая дилемма: или признать все успехи Вишневецкого и тем самым кардинально переориентировать всю внешнюю политику Польско-Литовского государства и пойти на союз с Москвией против крымского хана, или сохранить состояние шаткого перемирия с Крымом и враждебные отношения с Москвой, полностью отказавшись при этом от князя и его людей. Военно-политический выбор короля польского и великого князя литовского в разрешении этого вопроса предопределила начавшаяся Ливонская война 1556-1583 гг.: опасаясь усиления Московии в Прибалтике у своих северных и северо-восточных границ, а также стремясь заставить ее вести войну на два фронта – против Ливонии и Крымского ханства, Сигизмунд II Август решил отказаться от дальнейшей поддержки князя Дмитрия Вишневецкого, тем самым сдав его хану Девлет-Гирею и его сюзерену – турецкому султану.

⁹¹ Лемерсье-Келькеже III. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 49.

⁹² ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 281. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 255.

⁹³ Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского... – № 86. – С. 139.

О такой позиции двора короля Польского и великого князя Литовского Д.И. Вишневецкому стало известно в конце весны 1557 года, когда на Хортицу вернулся посланный летом предыдущего года к королю казачий атаман Михаил Млынский. В грамоте, которую он привез князю Вишневецкому, король отвечал, что присланные им листы, «через служебника Миску», получены во время пути, именно тогда, когда король ехал с королевой Екатериною с Варшавского сейма 1556-1557 гг. в Вильну и, по распоряжению самого короля, «служебник тот задержан был с ответами королевскими на продолжительное время». Распоряжение же это сделано было на основании известия, принесенного королевским послом в Крым, князем Андреем Одинцевичем, о намерениях и замыслах «перекопского царя» (крымского хана – О.К.): тот, по известию королевского посла, о чем сам король узнал по приезде в Вильну, «хотел добывать князя Вишневецкого в построенном им замке»; вследствие этого, а также вследствие суровой зимы и трудного проезда к Вишневецкому и вследствие ожидания возвращения посланного к Вишневецкому дворянина Василия Шишковича, король и приказал задержать отъезд «Миски». Кроме этого король писал Вишневецкому и о том, что он, сперва по слухам, а потом от присланного князем гонца, узнал о нападении на замок Д.И. Вишневецкого «перекопского царя»: «за тымъ слухи къ намъ сезде прыходять, ижъ тебе царь добывал, а въ томъ часе хлопецъ от тебе до насъ съ тою новиною прибылъ» (затем слухи к нам на сейм приходили, что тебя крымский хан штурмовал, а вскоре и посланец с той же новостью к нам от тебя прибыл – О.К.). Воздавая похвалу князю Вишневецкому за его службу, стойкость и мужественную оборону людей, при нем находящихся, король обещал и на будущее время не забывать его подвигов: «И порозумляли есмо службе, сталости и мужной обороне твоей зъ воли Божьей и всихъ подданныхъ нашихъ пры тебе мешкающихъ, што ласковее на передние часы помятовати хочемъ».

А вот будущее он нарисовал князю Дмитрию совсем не таким, как тот предполагал: «И што ся дотычетъ до того замку, черезъ тебя забудованного, и послуги твоее намъ, такая послуга твоя пыемна есть, кгда еси на насъ господара на такъ потребномъ мисцу замок забудовал, а звлаща где могла быть беспечная сторожность ку повстаганью шкодниковъ лихихъ людей зъ убеспеченьемъ панствъ нашихъ; а ижъ быхмо на тотъ часъ любми и стрельбою посилили оный замокъ, яко еси о томъ къ намъ писалъ, тогды безъ бытности твое в насъ того вчинити намъ теперъ не виделося с прычынъ певныхъ, тебе тежъ зводити оттоль на сесь часъ не годилося, маючи ведомость от тебя и зъ иншихъ украинъ о умысле князя великого Московского ку будованью замковъ пры Днепре, знаща где бы хотелъ будовати города на нашомъ кгрунте, и для зачипокъ, абы козаки въ небытности твоей чинити не важилися, зачымъ бы небеспечности на панства наши приносили, для чого абы еси тамъ зоставши, великую пильность въ томъ чынилъ и зачипокъ делати чабанамъ и влусамъ цесара Турецкого шкодити козакамъ не допускалъ, маючи бычность на многіе прычины и на докончанье и прысягу нашу съ цесаромъ Турецкимъ, которыи вчинили на вечный миръ, также и съ царемъ Перекопскимъ» (а что касается замка, построенного тобой, и твоей услуги, оказанной нам, то такая услуга приятна нам, потому что ты устроил на нас, господаря, замок на нужном месте, и именно такой замок, где была бы безопасная осторожность для удержания лихих людей шкодников с обеспечением панств наших; но чтобы усилить тот замок людьми и артиллерией, как ты писал нам о том, то без личного твоего приезда к нам, мы теперъ не имеем достаточно основательных причин исполнить это, хотя выводить тебя из замка на это время также не годится ради известия от тебя и из других окраин о замысле со стороны великого московского князя соорудить замки при реке Днепре в том именно месте, где и ты хотел строить города на нашей земле, а также и ради предотвращения набегов, на которые могли бы отважиться казаки в твое отсутствие, чем подвергли бы опасности наши владения; оставаясь на месте, ты мог большую пользу принести, не допуская казаков делать зацепок чабанам и шкодить улусам турецкого султана, принимая во внимание многие причины: переговоры и присягу нашу с турецким султаном о вечном мире, так же как и с крымским ханом – О.К.). В заключение грамоты король извещал Вишневецкого об отпуске к нему какого-то Захарки, о котором князь писал королю, а также об отправке к князю собственного королевского слуги с ответами на все письма и просьбы князя, а также о поручении обеспечить безопасность возвращающегося из Речи Посполитой посла крымского хана вместе с польским послом в Крым паном Расмусом Богдановичем Довгиром. Посла, отправленного к Вишневецкому, король приказывал встретить у Черкасс самому князю, в виду важности дела, с которым посол отправлен, и выслушать его с особенным вниманием⁹⁴.

Иными словами, вместо борьбы с Крымским ханством Сигизмунд II Август предлагал князю Дмитрию Вишневецкому выполнять охранно-полицейские функции на границе, препятствуя казакам, которыми он предводительствовал уже несколько лет, совершать нападения на владения крымчаков, лишая их тем самым источников существования. Также король ему предписывал держать под контролем те места, где русские служилые люди могли бы сооружать полевые укрепления, используя их в качестве баз снабжения и опорных пунктов для организации тактической разведки в Диком поле. Последнее требование Д.И. Вишневецкий, принявший вассальные обязательства по отношению к

⁹⁴ *Прибавления к первому и второму тому Актов для истории Южно и Западной России // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. II. 1599-1637. – С. 148-149. – № 130.*

русскому царю, исполнить не мог, да и предотвращать набеги казаков на кочевья крымских татар и отказываться от командования ими он вряд ли собирался.

Но последней каплей, переполнившей чашу терпения князя в его отношениях с краковским двором и склонившей его к переходу на службу московскому царю, думается, стало посольство пана Довгира в Бахчисарай, точнее – его документы, которым было не суждено добраться до места назначения, поскольку они были перехвачены русскими служилыми людьми под началом воеводы Даниила Адашева на одном из бродов через Днепр. В своем послании король признавал тот факт, что в 1556 году «наши казаки, шедъ, Очакову убытокъ учинили и судно очаковское взяли, в чем кони перевозили». Однако Сигизмунд II Август предпочел сразу же отмежеваться от князя Вишневецкого, написав следующее: «А взяли то судно те люди, которые нам изменили, которые с нашим изменником со князем Вишневецким с Дмитряшем, что к недругу нашему московскому отъехали... А изменник наш князь Дмитряш Вишневецкий ни чьим иным умыслом то делает, делает он то недруга нашего московского князя присылкою, меж нас тот изменник недружбу нам делал. И тебе было такому человеку свое жалование давати и послов к нему посылати пригоже ли было? И ты про то ли на нас кручинишься? А он на нашей же земле, крепости для, городок был доспел, а ты наши речи слыша да не утерпел, прогнал еси его к нашему недругу, хотел еси ему мстити; и он побоялся от меня того, и к моему недругу побежал; такой изменник и там в добрых не будет; и самому тебе ведомо, что мы таким изменникам не спускаем; мстим, берегучи дружбы и любви и братства. И он того для такой лихой человек к нашему двору не приехал, к недругу нашему московскому побежал, и ты, брат наш, ведает и наперед того с гонцы своими нам приказывал еси о таких воровстве лихих наших украинских городов людей, и мы таким лишим не попускали, за все их казнили (казнили – О.К.), а тот изменник меж нас с тобою недружбу делал и хондыкереву величеству (турецкому султану – О.К.) недружбу дельвал же, меж дву земель многие недружбы учинил. И ныне тот человек того для к Москве побежал...»⁹⁵. Впоследствии это королевское послание крымскому хану неоднократно использовалось дипломатией Московского государства как наглядное доказательство вероломства внешней политики Сигизмунда II Августа. Но стоит ли того в этом винить? Ведь, не откажись он от князя Вишневецкого, его стране пришлось бы вести войну на два фронта – против Московии и против Крымского ханства, в поддержку которого могли выступить Османская Порта и ее восточноевропейские вассалы – господарь Буджака (Молдавии) и Валахии. Такой войны польско-литовское государство не выдержало бы, а поэтому было решено пожертвовать Д.И. Вишневецким. Так князь Дмитрий стал разменной пешкой в большой геополитической игре, которую вел его монарх...

Ободренный отступничеством Сигизмунда II Августа от идеи поддержки и усиления гарнизона Хортицкого замка, о чем все-таки сообщил пан Расмус Довгир, добравшись, ограбленный московскими служилыми людьми, до ханского двора в Бахчисарае, в конце лета 1557 года хан Девлет-Гирей вновь появился у Хортицы с татарским войском, а также с отрядами, присланными ему молдавским господарем, и османскими янычарами на галерах. После продолжительного сопротивления крепость пала, а сам Д.И. Вишневецкий бежал в Черкассы, уйдя вверх по течению Днепра через пороги⁹⁶. Оттуда в сентябре 1557 года он официально обратился к Московскому престолу с просьбой о покровительстве, предлагая одновременно передать в состав Русского государства земли Черкасского и Каневского поветов Великого княжества Литовского. Как следует из московских летописных источников, «...писал из Черказ да ис Канева к царю и великому князю князь Дмитрею Ивановичу Вишневецкой, что он с Днепра с Хорхитинского острова (т.е. с острова Хортицы – О.К.) пошел, потому что корму не стало у него, и казаки от него разошлись, а царь Крымской пошел на его город да Турского люди (турки – О.К.) многи в судех да Волохи (молдаване – О.К.), и он за кормом не сел в городе, а пришед, засел Черкасы и Каневы, и государь как велит?»⁹⁷. Царь Иван IV Васильевич, как и король Сигизмунд II Август боявшийся войны на два фронта, велел ему возратить свои литовские владения польско-литовской короне, а самому приехать в Москву: «царь и великий князь писал князю Дмитрею Ивановичю, а велел ехати к собе, а Черкасы и Канев велел королю отступитца, потому что царь и великий князь с королем в перемирие»⁹⁸. Остается только предполагать, как бы развивались в дальнейшем события Ливонской войны, да и все русско-польские отношения, если бы Д.И. Вишневецкому все-таки удалось реализовать свои замыслы, и земли Черкасского и Каневского староств (воеводств) вошли в состав Московского государства.

Исход князя Д.И. Вишневецкого из Черкасс, Канева и Хотрицы на службу русскому царю после того, как в своей поддержке ему отказал Сигизмунд II Август, еще раз доказывает наш тезис о том, что он за все время своей многолетней службы польско-литовской короне никогда не был самостоятельной военно-политической фигурой, всегда находился в полной материальной зависимости от своего сюзерена, а днепровское казачество, служившее князю, не являлось тогда сколько-нибудь

⁹⁵ *Сборник* Императорского русского исторического общества. – Т. 71. – С. 64, 211.

⁹⁶ *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. – Киев: Университетская тип., 1910. – Вып. 2. – Табл. XV.

⁹⁷ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 286. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 259.

⁹⁸ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 286. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 259.

самодостаточной военно-служилой корпорацией Великого княжества Литовского, если вообще существовало в принципе как узаконенное социальное явление. В связи с этим следует вспомнить слова Сигизмунда II Августа к литовскому канцлеру пану Н.Х. Радзивиллу Черному, сказанные в связи с отъездом в 1553 году князя за покровительством турецкого султана, в которых он ставал на одну плоскость казаков и холопов. В том же духе польско-литовский монарх высказался в своем письме (листе) крымскому хану летом 1557 года: «... Вишневецкий тамъ долго бытии не мелъ, а подданным своим справедливости стало бы ся зъ нимъ, а сторожи съ того замочку для шкоды межи панствъ не напереказе было бы твоимъ людемъ, брата нашего, але и овшемъ пожитку и помочи»⁹⁹. Как мы видим, король Польский и Великий князь Литовский прямо именует гарнизон Хортицкого замка «подданными» князя Вишневецкого, т.е. феодально зависимым населением (фактически, холопами), и вполне определенно говорит, что сам князь без поддержки королевского двора был не способен самостоятельно осуществлять сколько-нибудь серьезные административные и военные действия, что также вполне соответствовало действительности (достаточно вспомнить провал с ремонтом Черкасского замка в 1550-1552 гг.). Поэтому не удивительно, что князь Д.И. Вишневецкий, временно лишившись поддержки со стороны польско-литовской короны, сначала не побрезговал принять в 1553 году «подарки» от представителей турецкого султана и непосредственно от крымского хана, в 1556 году – материальную помощь от московских служилых людей воеводы Д.Ф. Адашева, за которую расплатился поставкой 300 казаков-наемников, а когда стала реальной перспектива отказа от сюзеренитета со стороны Сигизмунда II Августа в отношении князя в угоду геополитическим интересам польско-литовского государства, то он, не задумываясь, сменил монарха, дабы сохранить для себя источники денежного содержания и материального снабжения.

Именно поэтому, на наш взгляд, Мазуринский летописец, лаконично описывая прибытие князя на русскую службу, считает предвестниками его перехода все события 1556 и 1557 года, в которых он отстаивал интересы Московского государства: «Тогда и князь Дмитрий Вишневецкий прииде служити к государю. И повелением государевым шед, у крымскова царя взял град Ислам-Кирмень, и люди побил, и пушки вывез к себе на Днепр в свой град. Царь же с сыном своим и со всеми крымскими людьми прииде на князя Дмитрия ко граду его на Хордецкой остров. И стоя у него 20 дней, и брань велию творя, и отъиде с срамом; мнози же людие его побии быша»¹⁰⁰. Таким образом, автор Мазуринского летописца однозначно связывает всю боевую деятельность Д.И. Вишневецкого в 1556 и 1557 года с его осознанной и целенаправленной службой интересам Московского государства, что лишний раз опровергает утверждения В.А. Голубуцкого и Ш. Лемерсье-Кельеже о якобы самостоятельности действий князя в это время.

Тем не менее, мы не можем согласиться с подобным утверждением, поскольку с правовой точки зрения того времени принесение вассальной присяги еще не означало установления отношений сюзеренитета-вассалитета, т.е. отношений феодальной соподчиненности двух землевладельцев. Присяга являлась лишь демонстрацией намерения поступить на службу, своеобразной офертой – предложением принять услуги, тогда как акцепт – согласие принять услуги выражался в выделении жалования в виде земельной собственности. Материальная и финансовая поддержка, оказанная князю Вишневецкому от имени царя Ивана IV Васильевича в 1556 году, рассматривалась исключительно как вознаграждение за оказанные военные услуги, как плата наемнику, но не как жалование за регулярную государственную службу. В этом качестве могло выступать только наделение от имени монарха недвижимым имуществом – землей с юридически прикрепленными к ней крестьянами в размере, соответствующем социальному статусу феодала в сословной иерархии средневекового общества. В случае с князем Вишневецким до осени 1557 года этого сделано не было, а поэтому считать его полноправным слугой московского царя ранее этого срока с формально-правовой точки зрения не представляется возможным (тем более, что до лета 1557 года в Великом княжестве Литовском князь не был лишен государственной должности старосты Черкасского и Каневского воеводств).

На службе у московского царя

В ноябре 1557 года князь Д.И. Вишневецкий прибыл к царю Ивану IV, который его «...пожаловал великим своим жалованием и дал ему отчину город Белев со всеми волостями и селы, да и в иных городех села подлетные государь ему подавал и великими жалованиями устроил». Наиболее подробно размер и содержание царского пожалования князю Дмитрию Вишневецкому становятся нам известны из дипломатической переписки между московским и краковским дворами, причем щедрость русского царя в отношении князя расценивалась польско-литовской аристократией как ловкий пропагандистский шаг, направленный на переманивание наиболее способных к военным и государственным делам литовских феодалов на русскую службу. Направляя зимой 1558 года к королю Сигизмунду II Августу посольство боярина Романа Васильевича Олферьева, из Посольского приказа тому была дана 20 февраля память (наставление) о том, что и в каких случаях говорить. В отноше-

⁹⁹ Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского... – № 91. – С. 142.

¹⁰⁰ ПСРЛ. – Т. XXXI. – С. 134-135.

нии князя Дмитрия инструкция дословно была такова: «А нечто спросят про Вишневецкого, которым обычаем приехал ко царю и великому князю, и чем его князь велики пожаловал, и где он ныне? И Роману говорити: присылал он бити челом к государю, чтоб государь наш взял его к себе, и государь наш его к себе взял и пожаловал великим своим жалованием, денгами и платьем, дал ему на приезд с десят тысяч рублей да пожаловал его дал ему в вотчину город Белев с всем, что было за Белевскими князьми; да к тому же дал ему многие села под Москвою...»¹⁰¹. Князь Вишневецкий «...государю целовал крестъ животворящий на том: служить царю и великому князю вовеки и добра хотите всем и его землям»¹⁰².

Официальный переход на службу к русскому царю кардинально изменил социально-правовой статус князя Д.И. Вишневецкого: если в 1556-1557 гг. он являлся союзником Московского государства, то с принятием присяги он стал его подданным, а поэтому уже не могло быть никакой речи о какой-либо его административной самостоятельности ни в военном, ни в хозяйственном отношении. В результате он занял положение служилого князя, получив во владение достаточно крупный торгово-ремесленный город с обжитым и освоенным уездом, за несколько лет до этого конфискованным в государственную казну у прежнего его владельца, последнего князя Белевского – Ивана Ивановича. Как известно, согласно феодальной традиции, служилый князь должен был самостоятельно содержать свой вооруженный отряд и защищать находящиеся в его владении земли, что для Московского государства было чрезвычайно важно, ибо, обороняя свои порубежные владения, князь тем самым одновременно охранял и все русские окраинные земли в районе Куликова поля, через которое пролегал Муравский шлях – традиционный путь татарских набегов на порубежные русские земли. По сути, положение князя в Московском царстве принципиально ничем не отличалось от того, какое он занимал до этого в Великом княжестве Литовском, сменилось только официальное наименование его места в сословно-феодальной иерархии.

Одновременно мы не можем согласиться с мнением С.Б. Веселовского о том, что белевские владения Д.И. Вишневецкого являлись «одним из последних уделов Северо-Восточной Руси»¹⁰³. Данное утверждение противоречит сведениям Никоновской и Лебедевской летописей, составленных, как известно, во второй половине XVI столетия, т.е. в одну хронологическую эпоху с деятельностью князя Вишневецкого (что само по себе исключает возможность ошибки летописца или переписчика), и сообщающих, что Белев и его окрестности были пожалованы князю в вотчину, а никак не в удел, а поэтому никакой административно-политическим суверенитетом он не обладал, собственного княжеского двора как источника службы для зависимых непосредственно от него феодалов не имел, да и в условиях Московского царства того времени обладать и иметь не мог. Д.И. Вишневецкий был просто инкорпорирован в состав княжеско-боярской аристократии Московской Руси, возможно, как мы увидим ниже, с сохранением лично за ним некоторой части сословных привилегий, которыми он был наделен в Великом княжестве Литовском.

Вопрос о численности дружины (фактически, частной наемной армии), которую князь Д.И. Вишневецкий привел с собой для службы Московскому государству, до сих пор остается открытым, так как имеющиеся в распоряжении автора источники не позволяют дать на него однозначного и исчерпывающего ответа. Известно, что в Белеве на правом берегу Оки, в низине – «на подоле», во второй половине XVI – первой половине XVII вв. существовала Вишневецкая, впоследствии Пушкарская, слобода, описание которой мы находим в писцовой книге Белевского уезда 1627-1628 гг. (более ранние источники, к сожалению, не сохранились). В то время она насчитывала около 150 дворов, хотя переносить это число на более раннюю эпоху вряд ли корректно, поскольку неизвестно влияние на ее жизнь, например, тех же событий Смутного времени¹⁰⁴. Кроме того, согласно дошедшим до наших дней выписям из писцовой книги Белевского уезда 1568/69 года мы узнаем о существовании в Благовещенском стане четырех деревень, изначально записанных за князем Вишневецким, но к тому времени уже переданных в ведение игумена Новопечерского Свято-Успенского Свенского мужского монастыря, с приписанными к ним 228 четвертями пашни, 32 четвертями пашенного леса, сенокосными угодьями на 885 копен¹⁰⁵, которые согласно Уложению о службе 1550 года могли стать материальной основой верстания для, как минимум, 5 служилых людей князя. За тем же монастырем в Друцком стане Белевского уезда в 1563 году были записаны еще сельцо Студенниково и шесть деревень, из

¹⁰¹ *Сборник Императорского русского исторического общества*. – Т. 59. – С. 543.

¹⁰² *ПСРЛ*. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 286. См. также: *ПСРЛ*. – Т. XXIX. – С. 259.

¹⁰³ *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. – С. 121.

¹⁰⁴ *Белевская виллеофика*, издаваемая Николаем Елагиным: Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда: В 2-х т. – Т. I. – С. 38-40.

¹⁰⁵ *РГАДА*. – Ф. 1209 (Поместный приказ), Столбцы по Белеву, № 375/39818. – Л. 16-17. Список 1620 г. Опубликовано: *Антонов А.В.* Выпись из писцовых книг 1568/69 года на земли в округе Белева // *Белевские чтения*. – Вып. 2. – М., 2002. – С. 33-34.

числа ранее пожалованных князю¹⁰⁶, земли которых могли стать основой для испомещения там не менее 12-15 служилых людей. В том же году в ведение игумена Белевского Спасо-Преображенского мужского монастыря о. Михаила были переданы на условиях льготы на четыре года пустоши на месте ранее существовавших трех деревень служилых людей князя Дмитрия («а запустели те деревни отъ Вишневецкого людей»), наименования которых по прошествии пяти лет даже не сохранились, в которых значилось 15 дворов крестьянских («огнили и розвоились»), 240 четвертей пашни в поле («земля добре худа»), пашенного 60 десятин и строевого леса половина квадратной версты, луговые сенокосные угодья в 40 десятин, обеспечивающие заготовку 470 копен¹⁰⁷, которые вполне могли стать основой для верстания еще 5-6 служилых людей. Несмотря на фрагментарный и частный характер имеющихся в нашем распоряжении сведений, мы можем оценивать численность служилых людей и казаков князя Вишневецкого, пришедших с ним на службу к московскому царю, не менее чем в 250-300 человек. Сам факт передачи Вишневецкому для прокорма своих людей целого уезда, бывшего незадолго до этого самостоятельным удельным княжеством, свидетельствует о значительной численности его отряда, а также о заинтересованности Московского государства в привлечении его на свою службу.

В летописном свидетельстве и информации русских дипломатических источников о жаловании князю Вишневецкому при его поступлении на службу к московскому царю особый интерес вызывает упоминание о селах, отведенных ему и его людям «в иных городех», помимо Белева. Еще одним уездом Тульского края, где были размещены люди князя, являлся Дедиловский, оформившийся в самостоятельную административно-территориальную единицу Московского государства в 1553-1554 гг. и к тому времени еще не заселенный. Об этом косвенно свидетельствует писцовая книга Дедиловского уезда 1588-1589 гг., содержащая информацию о земельных раздачах сподвижникам Д.И. Вишневецкого в его военных походах, количество которых достигает более 40 человек¹⁰⁸. Таким образом, привлечение на русскую службу отрядов князя имело для царя Ивана IV Васильевича двойную пользу: во-первых, защищая свои владения в порубежных землях с Куликовым полем (Белев – на юго-западе и Дедилов – на севере), князь был вынужден также оборонять значительных участок приграничной полосы со степью, причем, на самом опасном направлении – по водоразделу Дона и Оки, вдоль Муравского шляха; во-вторых, передача в его ведение Дедиловского уезда с мизерным количеством освоенных земель решала для московской власти вопрос об их хозяйственном освоении, которое теперь целиком возлагалось на людей Вишневецкого.

Переход князя на русскую службу и предшествовавшие этому события летней кампании 1557 года стали фактором внешней политики Московского государства в его отношениях с Крымским ханством. Как отмечает в связи с этим А.В. Виноградов, «существенным результатом предшествующего периода явилось стремление Девлет-Гирея I к поискам взаимоприемлемых решений. Хан явно был озабочен усилившимся военно-политическим давлением Москвы в Закавказье и на Днепре, а также планами поднять против него ногаев»¹⁰⁹. В декабре 1557 года в Москву прибыли отпущенный из Крыма русский служилый татарин С. Тулусупов вместе с ханским гонцом Т. Черкашениным, который привез царю Ивану IV Васильевичу предложение Девлет-Гирея I о восстановлении дипломатических отношений, прерванных после присоединения Казанского ханства к Московскому государству. И хотя все предложения бахчисарайского двора о восстановлении мирных отношений впоследствии были отвергнуты, сам факт инициирования подобных переговоров Девлет-Гиреем I свидетельствует о том, верховная власть Крымского ханства вполне адекватно понимало, оружие какой силы получил в свои руки царь Иван IV Васильевич с переходом князя Д.И. Вишневецкого и его людей к нему на службу.

1558 год стал важной вехой в истории Московского государства: в январе началась Ливонская война, которая привела к длительному конфликту между Польшей и ее союзником – Крымским ханством, с одной стороны, и Московским государством, с другой. В этих условиях, по мнению Ш. Леммерсье-Келькеже, «...пока русские войска воевали в Прибалтике с рыцарями Ливонского ордена, царь хотел поручить защиту южных границ Московского государства литовскому кондотьеру... В то время, когда царские армии брали Нарву и Дерпт в Ливонии, Вишневецкий совершил набег на

¹⁰⁶ Евсеев И.Е. Описание рукописей, хранящихся в Орловском древлехранилище. – Вып. 2. – Орел: Тип. Хализева, 1906. – С. 228.

¹⁰⁷ РГАДА. – Ф. 281 (Государственная коллегия экономии), Белев, № 1/1461. – Л. 2-3. Опубликовано: Шумаков С. Сотницы (1537-1597 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.): Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Университетская тип., 1902. – С. 81; Маишаф-ров А.В. Акты XVI в. Спасо-Преображенского монастыря г. Белева из собрания РГАДА // Белевские чтения. – Вып. 2. – М., 2002. – С. 52.

¹⁰⁸ Писцовые книги, издаваемые Императорским Русским Географическим обществом. – Ч. I. Отд. II. – С. 1264-1299.

¹⁰⁹ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: В 2-х тт. – Т. 1. – С. 111.

Крым»¹¹⁰. Подобная точка зрения, на наш взгляд, не совсем справедлива: называя Д.И. Вишневецкого кондотьером, французский археограф тем самым предполагает наличие у него наемной армии ландскнехтов, служащей за его деньги и подчинявшейся только своему командиру. Реальность же была иной: князь возглавлял уже, как мы это увидим ниже, не свою частную феодальную дружину (как это было за два-три года до этого), а совокупность отрядов русских служилых людей, являясь по сути одним из старших военачальников Московского государства (к тому же, он ранее был инкорпорируван в состав высшей феодальной знати Московии).

Действительно, в январе 1558 года царь Иван IV Васильевич, еще не успевший стать Грозным, направил князя Д.И. Вишневецкого в Северное Причерноморье разорять кочевья крымских татар. Разрядная книга говорит, что «того же лета генваря (1558 года – О.К.) царь и великий князь послал на Днепр, на Хортицу князя Дмитрея Вшневецкого, а с ним послал Игнатя Ушакова сына Заболотцкого да Ширяя Васильева сына Кобякова, да голов Данила Чюлкова, Дьяка Ржевского, Андрея Щепотева, да Василья Тетерина, Михаила Ескова, Михаила Андреева сына Павлова, Онофрея Лашинского, Петра Таптыкова, Микита Сущева, Нечая Ртищева»¹¹¹ (здесь очень интересно упоминание имени Михаила Есковича (Ескова) – сподвижника князя по Хортицкому замку, что свидетельствует о включении его людей в состав военно-служилого сословия Московского государства). Летописные источники конкретизируют состав войска князя Вишневецкого: «Со князем Дмитрием же Государь отпустил Игнатия Заболотцкого з жилцы да Ширяя Кобякова с детми боярскими да Даниила Чюлкова да Юрья Булгакова и иных атаманов с казаки да сотских с стрелцы»¹¹², т.е. дворянские полки под командой воевод, а также стрелецкие и казачьи отряды под началом их корпоративных командиров из числа дворянской аристократии. Подбор «начальных людей» говорит о масштабности сил, вверенных руководству князя, – его подчиненные были опытными военачальниками, героями порубежной войны с отрядами крымских татар: достаточно сказать, что Ю.М. Булгаков, М.И. Ржевский и Д.И. Чулков в 1556 году самостоятельно руководили успешными военными экспедициями московских служилых людей в земли Крымского ханства¹¹³. Кроме указанных сил общей численностью свыше 30 000 человек, как свидетельствуют документы из истории российской дипломатии, московский царь «с ним велел сниматися нагайским мирзам многим со многими людьми, да черкасским князем Пятигорским, Ташбузруку з братьею, и со всеми черкасы, и снися, велел над крымским (ханом – О.К.) промысляти, сколько им Бог помочи подаст»¹¹⁴. Фактически, под свою руку князь Д.И. Вишневецкий получил все категории русских служилых людей, а также вспомогательные отряды из числа недавно присоединенных к Московскому государству северокавказских племен, что свидетельствует о его высоком статусе в иерархии военачальников Московского государства: он был так называемым «большим воеводой», на которого была возложена обязанность оборонять южные рубежи Московского царства.

Князю Вишневецкому предписывалось построить на реке Псле суда и на них спуститься вниз по Днепру, где совершать поиски кочевий и препятствовать продвижению отрядов татар к русским землям – «...беречи своего дела над крымским царем, сколько ему бог поможет»¹¹⁵. В апреле 1558 года князь донес царю Ивану IV Васильевичу, что поход был успешным: его отряду удалось подойти даже к самому Перекопу. Источники подробно описывают действия отрядов Вишневецкого в землях Крымского ханства: «...и сторожей побилъ за шесть верстъ отъ Перекопи. А люди Крымские ему встречу не бывали ни одинъ человекъ, а стоялъ и ночевалъ и назавтрея до половины дня за десять верстъ от Перекопи. И пошелъ ко Днепру на Тованский перевозъ мимо Ислам-Кермени за полтретьятцати верстъ и на перевозе стоялъ три дни. А крымцы к нему не были и не являлися, а сказываютъ, царь крымской со всеми людьми в осаде былъ»¹¹⁶. 12 июня князь Д.И. Вишневецкий из Ислам-Кермени, который он, видимо, разорил в очередной раз, прислал в Москву под конвоем отряда князя А.З. Вяземского пленного татарина, который рассказал, что «...царь крымской со всеми людьми готовъ въ Перекопи, а к турскому просить людей послать же; а как турской царь людей на помощь ему пришлетъ, и тогда де царь крымской хочеть быти на великого князя украины...»¹¹⁷.

Однако этого не произошло, так как отряды князя Д.И. Вишневецкого продолжали активно действовать в низовьях Днепра. В начале лета князь вновь занял Хортицкий остров и возобновил там укрепления: «...пришолъ на Хортицкой островъ, дай Богъ, со всеми людьми здорово...». Там он дождался, видимо, прибытия второго эшелона или арьергарда своих войск под началом черниговского дьяка М.И. Ржевского, который сопровождал боеприпасы и провиант. Встреча произошла приблизи-

¹¹⁰ *Лемерсье-Келькеже III*. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 50-51.

¹¹¹ *Разрядная книга 1475-1598 гг.* – С. 166.

¹¹² *ПСРЛ.* – Т. XIII, ч. I-II. – С. 288. См. также: *ПСРЛ.* – Т. XXIX. – С. 260.

¹¹³ *Разрядная книга 1475-1598 гг.* – С. 161.

¹¹⁴ *Сборник Императорского русского исторического общества.* – Т. 59. – С. 543.

¹¹⁵ *ПСРЛ.* – Т. XIII, ч. I-II. – С. 288. См. также: *ПСРЛ.* – Т. XXIX. – С. 260.

¹¹⁶ *ПСРЛ.* – Т. XIII, ч. I-II. – С. 296. См. также: *ПСРЛ.* – Т. XXIX. – С. 265.

¹¹⁷ *Разрядная книга 1475-1598 гг.* – С. 167.

тельно в 15 верстах выше Днепровских порогов на Монастырском острове, где была организована база снабжения для поддержания военного присутствия русских служилых людей в степях Северного Причерноморья: «...кош (т.е. укрепленный лагерь – О.К.) с запасы оставил...». Затем князь произвел смотр своих войск: «А детей боярских перебралъ, которые потомилися, отпустилъ къ царю и великому князю съ Онофрием Лашитцким, а у соби оставилъ немногихъ детей боярскихъ да казаковъ и стрелцовъ». Со свежими силами Д.И. Вишневецкий «...пошел летовати на Ыслам-Кирмень и приходи на крымские улусы за Перекопъ и Козловъ (т.е. современный Берислав – О.К.)... а на Днепре улусов не засталъ, потому что король (Сигизмунд II Август – О.К.) послалъ ко царю въ Крымъ вѣсть, что царь и великий князь послалъ радъ (ратъ? – О.К.) на его улусы. И царь крымской улусы все забилъ за Перекопъ и самъ въ осаде былъ»¹¹⁸.

Этому летописному свидетельству следует уделить особое внимание: впервые в истории военного противостояния Московской Руси и Крымского ханства русскими была достигнута победа, имевшая огромное стратегическое и моральное значение. Действительно, хан Девлет-Гирей I летом 1558 года оказался не в состоянии противопоставить что-либо активным наступательным действиям русских служилых людей в землях, подконтрольных Крыму вне пределов полуострова. Царские войска под командованием князя Д.И. Вишневецкого заставили крымских татар перейти к позиционной обороне, отказавшись от организации военных походов на русские окраины, оперативно-тактическая инициатива полностью перешла в руки «начальных людей» отрядов, подчиненных князю, а ханству был нанесен огромный хозяйственный ущерб, на несколько лет подорвавший потенциал его агрессии на север. Более того, князь Вишневецкий не только успешно атаковал и захватил пограничную крепость Крымского ханства (с Ислам-Керменом ранее он проделывал это не раз), но и в течение лета удерживал ее, безнаказанно хозяйничая на значительной территории, которая признавалась всеми государствами Восточной Европы как исконные земли ханства. Фактически, впервые в своей истории крымские татары пережили опустошительный поход русских, которые до этого постоянно сами являлись жертвами подобных действий со стороны своих агрессивных южных соседей. Более того, пожалуй, первый раз в своей истории они были вынуждены перейти к стратегической позиционной обороне на естественных рубежах, отдав на разграбление русским служилым людям все свои пастбища и кочевья в Северном Причерноморье.

Награды не заставили себя ждать: «...царь и великий князь послал ко князю Дмитрию Ивановичу Никиту Алексеева сына Карпова и к головам Игнатию Заболоцкому и Ширюю Кобякову, Диаку Ржевскому, Ондрею Щепотеву со своим жалованием з золотыми» (как известно, под «золотыми» подразумевались особые знаки отличия в виде специально отчеканенных монет, которыми было прямо украшать одежду или ножны парадного оружия – О.К.). Дворянин Н.А. Карпов привез также приказ царя Ивана IV князю прибыть в Москву, оставив на Днепре «детей боярских немного да стрелцов» под командой их корпоративных начальников во главе с Н.А. Карповым¹¹⁹.

Советский украинский историк В.А. Голубуцкий рассматривал отзыв князя Дмитрия Вишневецкого с низовьев Днепра в Москву и передачу им командования оставшимися на том театре военных действий отрядами Н.А. Карпову как проявление недоверия верховной московской власти к деятельности князя, ожидавшей от него более существенных результатов¹²⁰. Мы не можем согласиться в этой точкой зрения по, как минимум, двум причинам. Во-первых, днепровский поход князя на татарские владения в Северном Причерноморье вплоть до самого Перекопа полностью выполнил изначально поставленную перед ним задачу: отряды кочевников оказались заблокированы непосредственно в Крыму, а поэтому не могли развернуться для организации сколько-нибудь существенного набега на южные окраины Московского царства, что было весьма существенно в условиях начавшейся в Прибалтике Ливонской войны. Угроза с юга была полностью ликвидирована, равно как и перспектива войны на два фронта в летнюю кампанию 1558 года, а поэтому надобность в пребывании князя Дмитрия непосредственно на театре военных действий отпала. Во-вторых, с переходом на русскую службу, Д.И. Вишневецкий остался без всякого движимого имущества, свою новую вотчину – Белев – в период с ноября 1557 по март 1558 года он вряд ли мог посетить, поскольку все это время был объективно занят сбором, боевым слаживанием и организацией снабжения подчиненных ему отрядов в рамках подготовки к предстоящему крупномасштабному походу. И как только необходимость пребывания в Поле его лично и пришедших вместе с ним на московскую службу людей отпала, они направились в Белевский уезд, обосновываясь на новом месте жительства. В пользу нашего умозаключения свидетельствует и летописное свидетельство о том, что под началом Н.А. Карпова на Монастырском острове на Днепре остались отряды детей боярских и стрельцов, тогда как все казаки вместе с князем Вишневецким возвратились «на Москву». В связи с этим следует сделать одно, на наш взгляд, важное замечание: среди награжденных царскими золотыми за поход 1558 года мы не встречаем упоминания о корпорации людей князя Вишневецкого (перечисляются лишь жильцы И. Заболоцкого, дети боярские Ш. Кобякова и М.И. Ржевского, стрельцы А. Щепотева), для которых

¹¹⁸ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 296. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 265.

¹¹⁹ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 296. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 265.

¹²⁰ Голубуцкий В.А. Запорожское казачество. – Киев: Наукова думка, 1957. – С. 82.

наградой стало, как представляется, верстание земель с крестьянами в Белевском и Дедиловском уездах, вступить в право владения которыми можно было лишь прибыв на место и получив соответствующую ввозную грамоту у уездного писца. К сожалению, В.А. Голубуцкий, исследуя социально-политические аспекты формирования украинского казачества и этногенеза украинского этноса, совершенно упустил из внимания хозяйственную и правовую составляющие этого процесса, необоснованно полагая, что в условиях превалирования средневекового натурального хозяйства они не могли оказывать определяющего влияния на формирование сословно-корпоративного самосознания.

После похода 1558 года имя князя Д.И. Вишневецкого стало аргументом дипломатии Московского государства на переговорах с польско-литовской короной о мире и военном союзе против Крыма – «вечным миром миритца и против крымского заодно стояти», которые вел боярин Р.В. Олферьев. Во время переговоров русский посол, в частности, заявил, что «...царь и великий князь для христианства с царем мира не похотел и посла своего не послал, а послал Вишневецкого на Днепр со своими людьми: с казаки и со стрелцы, крымскому недружбу делати и мстити за кровь крестьянскую (т.е. христианскую – О.К.)»¹²¹. Это летописное свидетельство заслуживает особого внимания: князь Д.И. Вишневецкий, как представляется, приобрел репутацию одного из немногих, если не единственного из полководцев, которые способны достойно противостоять агрессии степных кочевников. События января 1559 года лишний раз подтвердили это.

Действительно, зимой 1558-1559 года сын и первый наследник крымского хана калга Мухаммад-Гирей (Магмет-Гирей в русской летописной традиции – О.К.) попытался совершить поход на приграничные русские земли всеми имеющимися у его отца силами в 100 тысяч всадников, включая вассальные ширинские и ногайские племена. Дойдя до реки Красивая Меча, он узнал от захваченных местных жителей-рыболовов, что царь Иван IV Васильевич находился в Москве, а князь Д.И. Вишневецкий – «на Туле», и отказался от своих агрессивных намерений: как отмечает летописец, от этих вестей «...приде на них страх и трепет, вскоре воротятся назад на бегство устремишася...». Крымский царевич «...шел наспех, и на сокме (сакме, т.е. пути – О.К.) его неколко тысяч лошадей и верблюдов пометано, и нужю себе сотворили великую». В причерноморских степях значительный урон бежавшим с порубежья из района Куликова поля татарам нанесли русские служилые люди, оставленные князем Дмитрием Вишневецким на Днепре, в укрепленном лагере на Монастырском острове под началом дьяка М.И. Ржевского¹²², сменившего на этом посту Н.А. Карпова. Данный факт лишний раз подтверждает правильность высказанного нами ранее тезиса о том, что летом 1558 года князь Вишневецкий и его люди возвратились не в Москву на какой-либо смотр, а к новым местам жительства на южные окраины Московского государства, где составили главную военную силу. Летописное упоминание о том, что сам князь Дмитрий по зиме находился не при царском дворе, а «на Туле» вполне может свидетельствовать о том, что он в это время выполнял привычные для него обязанности руководителя порубежной службы.

Военная кампания 1558 года имела важное значение для формирования новой тактики (и, возможно, даже и стратегии) действий русских служилых людей при отражении степной агрессии. Во-первых, князь Д.И. Вишневецкий отказался от пассивной обороны южного порубежья Московского государства с Диким полем по рубежу Оки и ее притоков или по Засечной черте, что постоянно практиковалось до его перехода на службу к царю Ивану IV Васильевичу, и, полагая лучшим средством защиты нападение, перешел к нанесению массированных превентивных ударов по кочевьям и городкам крымских татар, не давая тем самым им сконцентрировать силы и ресурсы для организации очередного набега на южно-московские окраины. Во-вторых, он первым среди русских военачальников ставил целью вооруженной борьбы со степняками не нанесение им поражения в открытом столкновении (хотя успешно громил их отряды, как только те предоставляли ему такую возможность), а, в первую очередь, стремился нанести максимальный ущерб экономике Крымского ханства, основанной, как известно, на кочевом скотоводстве и работоторговле. Именно этим обстоятельством, думается, может быть объяснено якобы бесцельное «летование» отрядов князя в уже захваченном и разграбленном ими Ислам-Кермене: тем самым он контролировал татарские пастбищные угодья, не давая им подготовить конский состав к зимнему походу, и ушел он в Московию только в середине осени, когда трава уже потеряла свои кормовые свойства (массовый падеж верховых и выючных животных при отступлении Мухаммад-Гирея от Красивой Мечи отчасти явился следствием этих действий). Видимо, по этой же причине крымский хан для зимнего похода своего сына призвал под его бунчуки ногайские и ширинские племена, кочевавшие между Доном и Волгой и в верховьях Кубани, которые не пострадали от фуражного дефицита, как это случилось в Крыму в результате действий отрядов князя Д.И. Вишневецкого. По сути, мы можем говорить о том, что в 1558 году

Провал зимнего похода крымских татар на тульские земли показал действенность методов борьбы, избранных князем для организации отпора степной агрессии. Уничтожив в Перекопском походе 1558 года военно-хозяйственную инфраструктуру Крымского ханства в низовьях Днепра, в Северной Таврии, он на некоторое время обеспечил безопасность правого фланга обороны русского

¹²¹ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 292.

¹²² ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 314-315. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 276.

порубежья. Настало время обезопасить его левый фланг, для чего было необходимо таким же образом разорить владения Крымского ханства и его сюзерена – Османской империи в нижнем течении Дона, центром которых являлась крепость Азак (ныне Азов).

В феврале 1559 года князь Д.И. Вишневецкий был направлен на реку Северный Донец, где ему надлежало соорудить суда и на них совершить нападение на Азов, Керчь и другие места: «... придти на Крымские улусы, суда поделав, от Азова под Керчь и под иные улусы»¹²³. Другой «экспедиционный корпус» поместного войска общим числом около 4 тысяч человек (по турецким сведениям) под командованием воеводы Д.Ф. Адашева был направлен на Днепр на Монастырский остров, чтобы атаковать кочевья и городки крымчаков, если они станут их восстанавливать после погрома, учиненного Вишневецким и его людьми.

К сожалению, официальные по своему происхождению русские средневековые источники ничего не говорят о численности и составе войска князя Вишневецкого, выступившего с ним в Азовский поход 1559 года, не называют они и имен командиров отрядов, входивших в его состав. Поэтому остается только предполагать, что с князем Дмитрием Ивановичем в причерноморские степи отправились силы, количественно и качественно мало чем отличающиеся от тех, с которыми он воевал под Перекопом в предыдущем году. Косвенно это подтверждается материалами османских архивов, которые называют людей князя Вишневецкого «русские» («Rus») и даже «московские» («Moscof»). Следует отметить, что именно так турецкие официальные источники именовали русских служилых людей, тогда как иные противники Блистательной Порты имели собственные названия, например, «злодеи» (запорожские и донские казаки) или «предатели» (астраханские татары, ногайцы, черкесы, воевавшие на стороне русских). Летом 1559 года бей Кафы определял численность армии Д.И. Вишневецкого в 10 тысяч человек. На наш взгляд, это вполне адекватная оценка сил, находившихся под командованием князя в то время.

Новость о концентрации русских войск и строительстве кораблей на днепровских притоках – реках Псла и Ворскла стала известна крымским татарам от лазутчиков, посланных ханом в Московское государство, о чем он не замедлил сообщить турецкому султану. Понимая опасность своего положения, хан просил помощи османского флота. В своем ответе, датированном июнем 1559 года, султан сообщил Девлет-Гирею об отправке в самое ближайшее время эскадры «для защиты мусульманского государства от угроз русских». Одновременно султанский диван получил сообщение о военных приготовлениях русских вблизи границ Крымского ханства и из другого источника – от Сулеймана, бей Вульчитрина (бейлика, т.е. турецкой провинции, расположенной в междуречье Днестра и Дуная – О.К.), который сообщал, что войск акынджи (легкой кавалерии, размещавшейся на границах Блистательной Порты и предназначенных для наступательных действий – О.К.), находившихся под его командованием, будет недостаточно для отражения «неверных»¹²⁴. Все эти сообщения, опубликованные Ш. Лемерсье-Кельеже, свидетельствуют об усиленной подготовке Крымского ханства к отражению похода войска князя Д.И. Вишневецкого в надежде избежать повторения прошлогоднего разгрома.

В апреле князь Вишневецкий известил царя Ивана IV о том, что он «...побил Крымцов на Яндаре блиско Азова. Было их полтретьиста (т.е. 250 – О.К.) человек, а хотели ити под Казанские места войною». Татары были разбиты наголову, а 26 из них – взяты в плен, из которых 14 князь прислал в Москву, а 12 оставил у себя в качестве хозяйственной прислуги при обозе¹²⁵. Других сообщений, касающихся каких-либо еще боевых действий отрядов князя весной-летом 1559 года, известные исследователю отечественные летописные источники не содержат. Однако опубликованные материалы турецких архивов позволяют проследить ход дальнейших событий этой военной кампании.

Ранее 2 июля 1559 года (26 Рамазана 966 по мусульманскому летоисчислению) отряды князя Вишневецкого атаковали Азов, причем это нападение было с большим трудом отбито турками. Гарнизон, в состав которого входил отряд из 200 янычар, был недостаточен для отражения штурма, и он был отбит лишь благодаря помощи, оказанной ногайскими племенами, кочевавшими в то время в окрестностях Азова, и поддержке османской эскадры, состоявшей из шести больших 25-весельных (kadyrga) и незначительного числа малых (kalita) галер. Несмотря на то, что нападение отбили, тревога была велика: впервые Азов, военный форпост Блистательной Порты в степях Северного Причерноморья, подвергся серьезной опасности. Следует добавить, что атака Азова и опустошение отрядом князя Вишневецкого его окрестностей вызвали продовольственный кризис не только в этой крепости, где вспыхнул голод, но и в Большой Ногайской орде и даже в Стамбуле, ибо султанская столица в значительной степени зависела от поставок зерна, сухих овощей, растительного масла из Северного Причерноморья. Еще хуже дела оказались у ногайцев: их голодающие племена прошли через причерноморские степи с востока на запад, опустошая все на своем пути, в том числе и кочевья крымских татар, и в начале зимы дошли до османских владений в землях Молдавии и Валахии,

¹²³ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 315. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 276.

¹²⁴ Лемерсье-Кельеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 52.

¹²⁵ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 318. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 279.

где и оставались вплоть до мая 1560 года, нанеся этим вассалам Блистательной Порты огромные убытки (в стамбульском архиве Ш. Лемерсье-Келькеже нашла минимум 4 султанских указа «о переселении голодающих ногайских племен на оттоманские земли Буджака», касающихся организации размещения и питания ногайцев в Молдавии, которые «...покидая свой опустошенный район..., разместились на оттоманских землях вплоть до границ Молдавии, грабя все на своем пути»¹²⁶).

Турецкие источники датируют первое нападение отрядов князя Вишневецкого на Азов маем 1559 года. Несмотря на неудачный штурм, он не отступил от крепости и приступил к ее планомерной осаде и был вынужден ее прекратить только в конце августа по прибытии к Азову оттоманского черноморского флота под командованием адмирала Али Реиса, который 2 сентября (27 Зилка'да 966 по мусульманскому летоисчислению) донес султану, что по его прибытии крепость была деблокирована, а «Дмитрашка» – так называли князя Д.И. Вишневецкого в официальной турецкой делопроизводительной переписке – отступил на север вверх по Дону.

Отступив от Азова, князь со своими отрядами опустошил турецкие и ногайские земли на северном побережье Азовского моря в нижнем течении Дона и вышел на Таманский полуостров, верно оперируя своими отрядами по правобережью Кубани. Не позднее 10 сентября 1559 года (7 Зильхиджда 966 по мусульманскому летоисчислению) русские, предводительствуемые «Дмитрашкой», по сообщению Синана, бея Кафы, в адрес турецкого султана, погрузившись на большие лодки (традиционные казацки «чайки»), совершили нападение на Керчь (по-турецки Kerç) и ее окрестности, но эта атака была отбита турецкой эскадрой, пришедшей туда со всем корабельным составом, артиллерийским огнем с моря. Затем, как свидетельствуют все те же турецкие источники, князь Дмитрий Вишневецкий поднялся вверх по Дону, где построил малые крепостицы, «подготавливаясь тем самым к новому наступлению в следующую весну»¹²⁷. Вполне возможно, что одним из таких укреплений являлся сохранившийся до наших дней пос. Вишневецкий Каменск-Шахтинского района Ростовской области, расположенный при впадении речки Вишневецкий колодезь в Северный Донец, неподалеку от устья реки Глубокой, упоминавшейся еще в Книге Большому Чертежу¹²⁸.

Одновременно князь, видя слабость своих сил для овладения Азовом (он не знал, что царь Иван IV Васильевич послал «...на Дон постельничего и воеводу Игнатя Михайловича Вешнякова, а велено ему сходится на Дону со князем Дмитрием Вешневецким»¹²⁹), стал искать союзников из числа местного населения Тамани, боровшегося за свою независимость от турецкого владычества на полуострове, и нашел их в лице «пятигорских черкасов», современных черкесов, ведущую роль среди которых имел род Жане (по-турецки Zanoğlu). Эмиссары князя спровоцировали их восстание и нападение на Кафу, причем турецкий гарнизон смог отразить эту атаку только благодаря помощи крымских татар, пришедших к нему на выручку. Девлет-Гирей писал Большому султанскому совету, что он захватил главных черкесских военачальников прежде, чем им удалось укрыться на Кавказе или в Московии¹³⁰. В результате этого поражения Кансук, сын главы черкесского племени Жанэ, и один из его братьев были убиты, а их головы, как и головы многих московских начальных людей были присланы в Стамбул как доказательство победы¹³¹.

Как утверждает Ш. Лемерсье-Келькеже, в 1559 году Д.И. Вишневецкий, согласно турецким источникам, совершил три похода против турецких владений в Северном Причерноморье: первое – весной (апрель-май), второе – летом (июль-август), а третье, дата которого им не уточнена, – осенью, совместно с черкесами во главе с Кансуком, сыном старейшины племени Жанэ¹³². Однако это утверждение противоречит действительности, выступление черкесов не было сказано с непосредственной деятельностью Д.И. Вишневецкого, который после неудачной попытки нападения с моря на Керчь, решил возвратиться в земли Московского государства для отдыха и пополнения своих войск.

Установив военный союз с черкесскими родами и, видимо, считая этот факт главным достижением кампании под Азовом и на Тамани, князь решил вернуться в пределы Московского государства, тем более, что он предварительно обеспечил базу для боевых действий на будущий год в виде укреплений по нижнему течению Дона, сооруженных при отступлении от Азова и в лице новых союзников, которыми стали «пятигорские черкасы». В сентябре 1559 года Д.И. Вишневецкий вернулся из своего Азовского похода, «с Дону», который имел для Московского государства, как мы уже сказали выше, важные военно-политические и дипломатические последствия: «...с ним прислали Черкасы и Чюрука-мирзу Черкасского: все Черкасы бьют челом, чтобы их Государь пожаловал, дал бы им вое-

¹²⁶ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов. – С. 55.

¹²⁷ Там же. – С. 52-56.

¹²⁸ *Книга Большому Чертежу* / Под ред. К.Н. Сербиной. – С. 76.

¹²⁹ *Разрядная книга 1475-1598 гг.* – С. 179.

¹³⁰ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов. – С. 52-56.

¹³¹ Там же. – С. 56.

¹³² Там же. – С. 56-57.

воду своего в Черкасы и велел бы их всех крестить»¹³³. Упоминавшиеся выше мнение турецких источников о якобы руководстве князя мятежом черкесов осенью 1559 года, как видно, не имеет под собой оснований, оно вызвано, как представляется, тем, что в конце 50-х годов XVI столетия в Османской империи и у ее вассалов было принято связывать все враждебные выступления против них с именем «Дмитрашки» – князя Вишневецкого.

Успех похода 1559 года под Азов и на Таманский полуостров повлек за собой значительное увеличение размеров поместий сподвижников князя в Дедиловском уезде в 20-ти верстах юго-восточнее Тулы. Как свидетельствует писцовая книга этого уезда 1588-1589 гг., там появилось несколько «деревень... придаточных, что им придано за озовскую и за черкасскую службу»¹³⁴. Дополнительное земельное жалование за военные отличия получили 44 человека, причем размер прирезков колебался очень существенно – от 5 до 40 четвертей земли, главным образом, целины (т.е. от 8 до 65 га – О.К.), при этом размер землевладений увеличивался на 25-60 процентов. Всего же для дополнительного поместного верстания в уезде было выделено 555 четвертей или 910 га земли¹³⁵. Таким образом, наряду с предоставлением отличий Московское государство одновременно решало вопрос хозяйственного освоения пригодных к сельскохозяйственному использованию земель (как известно, именно размер поместья являлся основой для налогообложения в Московии после 1550 года). Одновременно с испомещением людей Д.И. Вишневецкого сословный статус князя резко понижался, – он, формально сохраняя положение служилого князя, фактически был низведен до простого воеводы, назначаемого Боярской Думой или царем из числа бояр или дворянской аристократии. Потеря социального статуса впоследствии, похоже, явилась одним из важных звеньев в цепи причин возвращения князя в 1561 году на польско-литовскую службу.

В феврале 1560 года царь Иван IV «отпустил... Вишневецково на государство в Черкасы», причем, в связи с этим князь первый и единственный раз в летописной традиции назван воеводой¹³⁶. Что может означать термин «государство» в русской средневековой традиции, сказать сегодня достаточно сложно (возможно, это была своеобразная компенсация московским царем фактической утраты Д.И. Вишневецким социального статуса формально полусамостоятельного служилого князя), но, как показывает ход последующих событий, уже летом царь фактически отказался от сюзеренитета над князем, направив к начальнику турецкого гарнизона Кафы (Феодосии – О.К.) своих гонцов, сообщивших османам план военной кампании 1560 года в северо-восточном Причерноморье, на Таманском полуострове, ибо за действия Д.И. Вишневецкого московское правительство «не хотело нести ответственности» (об этом демарше царя Ивана IV мы узнаем из указа Сенана-паши бею Кафа от 23 рамазана в 967 года хиджры (16 июня в 1560 г.), опубликованного французским историографом Шанталь Лемерсье-Келькеже)¹³⁷. Видимо, царь Иван IV не хотел включать в состав Московского государства черкесские земли, слишком удаленные от его южных рубежей, речь, как представляется, могла идти лишь о протекторате Москвы над пятигорскими черкесами (Западной Черкессией). Однако царь вместе с князем Дмитрием Вишневецким и посланцами черкесского народа на Северный Кавказ «...попов крестьянских отпустил, а велел ихъ (т.е. черкесов – О.К.) крестить по их обещанию и по их челобитью и промышляти над Крымским царем»¹³⁸. Вишневецкий успешно справился с этой новой для себя миссией: черкесы приняли Православие и с тех пор верно служили России, а на дочери одного из князей Черкасских – Марии (до крещения – Кученей) Темрюковне был женат вторым браком сам царь.

Царь Иван IV Васильевич напрямую увязывал вопрос о включении земель Западной Черкессии в состав Московского царства с решением проблемы окончательного распространения своей власти на земли Большой ногайской (или астраханской) орды, предводителем которой в том время был князь Исмаил (именно его лояльность московскому престолу направлялся в 1559 году воевода и постельничий И.М. Вишняков)¹³⁹. Такая позиция русского монарха была вполне объяснима: без установления военного господства в Предкавказье, – в долинах Кубани, Лабы, Терека и на Таманском полуострове, т.е. местах традиционного кочевания ногаев, невозможно было говорить о какой бы то

¹³³ ПСРЛ. – Т. XIII, ч. I-II. – С. 320. См. также: ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 281.

¹³⁴ Писцовые книги, издаваемые Императорским Русским Географическим обществом. – Ч. I. Отд. II. – СПб., 1877. – С. 1268-1271.

¹³⁵ Кузнецов О.Ю., Фомин Н.К. Казачья военно-хозяйственная колонизация Дедиловского и Елифанского уездов Тульского края во второй половине XVI в. // Тульский край: история и современность: Сборник материалов научной конференции, посвященной 220-летию образования Тульской губернии. – Тула: Изд-во ТулГУ, 1997. – С. 49.

¹³⁶ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 324; Там же. – Т. XXIX. – С. 284.

¹³⁷ Лемерсье-Келькеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 60.

¹³⁸ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 298.

¹³⁹ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: В 2-х тт. – Т. 1. – С. 154.

ни было военно-политической экспансии на Северном Кавказе. По сути, Д.И. Вишневецкому предлагалось на свой страх и риск создать в Западной Черкессии протогосударство в форме союза местных племен, идеологической основой которого бы стала борьба христианского и мусульманского мира за господство на современной Кубани. Ногайский князь Исмаил считался союзником Москвы, а поэтому царь Иван IV Васильевич через своего посланника сына боярского П.Г. Совина сообщил ему план военной кампании против Крыма на 1560 год, в котором князю Вишневецкому был определен самостоятельный театр военных действий: «А въ Черкассы естymi въ Пятигорские зимы послалъ князя Дмитрея Вишневецкого, да Черкаскихъ князеи Амияка да Сибока зъ братею. Да многихъ своих людей с ними послалъ. А велелъ есми им въ Черкасскую сторону со всеми черкасы крымскому недружбу делати и надъ Крымом промышляти сколько мочно»¹⁴⁰. Упоминание в данном документе «многих людей» московского царя свидетельствует об ошибочности умозаключения Ш. Лемерсье-Келькеже, считавшей на основании материалов только одних турецких архивов, что «начиная с лета 1560 года в распоряжении Вишневецкого находилась лишь его собственная армия, завербованная из числа украинских казаков, к которым, вероятно, присоединились донские казаки и черкесы племени Жане»¹⁴¹. Даже если предположить, что в составе отряда князя были исключительно «украинские казаки», пришедшие вместе с ним на русскую службу, как считает Ш. Лемерсье-Келькеже, то после своего испомещения они автоматически превратились в московских служилых людей, от князя уже независимых и ландскнехтами в западноевропейской традиции не являющихся. Об этом же свидетельствуют упоминавшиеся выше раздача земель в награду «за озовскую и черкасскую службу», которая имела место в Дедиловском уезде, что говорит в пользу нашего тезиса о том, летом 1560 года в междуречье Дона и Кубани действовали не только отряды местных инсургентов, но и непосредственно вооруженные отряды московским служилых людей. Поэтому мы можем с полной уверенностью говорить, что наблюдаем у французского археографа явный перенос представлений о социальном характере личного состава отрядов князя Д.И. Вишневецкого, свойственного им несколько лет назад, на принципиально иные сословные реалии, вызванные к жизни его переходом на русскую службу.

О боевых действиях отрядов князя Д.И. Вишневецкого в Северном Причерноморье в 1560 году мы знаем исключительно из турецких источников, в то время как русские хранят о них полное молчание. Для отражения его нападений была мобилизована практически вся военная мощь Османской Порты в Юго-Восточной Европе. Достаточно сказать, что для этого пехота набиралась в 9 бейликах (провинциях Османской Порты – О.К.) черноморского побережья Балканского полуострова, командование над которой в мае 1560 года получил бей Силистрии. В подчинение к нему были также отданы отряды воевод Молдавии и Валахии, а также все военные силы Крымского ханства, которые были подкреплены подразделением турецкой береговой артиллерией, предназначенным для обороны низовьев Днепра. Кроме того, из Стамбула в Азов была направлена дополнительная эскадра из 7 кораблей, перебросившая туда отряд янычар и запасы продовольствия. Столь крупномасштабные приготовления в полной мере соответствовали фантастическим слухам о численности сил князя Д.И. Вишневецкого, которые изначально оценивались османскими военачальниками в 70 и даже 80 тысяч человек. Лишь в начале июня эти цифры были уменьшены до соответствующей здравому смыслу величины: за авангардом в количестве 400 воинов следовали главные силы армии, насчитывавшей до 5 тысяч человек.

Именно с этими силами князь Д.И. Вишневецкий предпринял свою последнюю серьезную операцию против Крыма, по поводу которой русские источники скупаются на детали и подробности которой нам известны лишь из документов турецких архивов. В июле 1560 года он начал наступление на Азов, из Западной Черкессии, но в связи с прибытием османской эскадры, возглавляемой беом Кафы, потерпел неудачу. Тогда князь Дмитрий и черкесы попытались форсировать Таманский пролив и, проникнув на территорию Крыма, атаковать Кафу, однако турецкие власти были предупреждены об их намерениях либо московскими гонцами, либо шпионами, посланными крымским ханом в черкесские земли. Поэтому другая эскадра наблюдала за переправой и отразила вторжение¹⁴².

Как развивались дальнейшие события этой военной кампании, не известно, однако русские летописи свидетельствуют, что в ноябре 1560 года «...приехал ко царю и великому князю з Днепра воевода князь Дмитрей Ивановичъ Вишневецкой, а былъ государьскою посылкой на Днепре и Крымские улусы воевал, которые кочевали блиско Днепра»¹⁴³. Это свидетельство, как представляется, можно трактовать двояко: или летописец перепутал реки Дон и Днепр, «направив» князя в привычный для него театр военных действий, или, действительно, после неудачной попытки вторжения в Крым через Керченский пролив князь Д.И. Вишневецкий со своими людьми действительно совершил поход от

¹⁴⁰ Цит. по: Там же. – С. 154-155.

¹⁴¹ *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 60.

¹⁴² *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным османских архивов. – С. 60.

¹⁴³ *ПСРЛ.* – Т. XIII. – С. 339; Там же. – Т. XXIX. – С. 297.

Таманского полуострова до Днепра, по пути в очередной раз разграбив земли ногайцев и крымских татар (что более вероятно, исходя из используемой им тактики превентивных ударов с целью нанесения максимального материального ущерба). Второе предположение находит косвенные подтверждения в документах дипломатической переписки между западноевропейскими послами при стамбульском дворе со своими монархами. Как следует из донесений французского посланника при султанском дворе де Петремоля королю Карлу IX, всю зиму 1560-1561 гг. турки в Трапезунде (главной военно-морской базе Османской Порты на Черном море – О.К.) держали в боевой готовности мощную для того времени группировку сухопутных войск, изготовившихся для морского десанта: «15 галер и 8 галлиотов с часа на час ожидают отправления в Кафу с тем, чтобы узнать намерения московитов в это время года, которые более похожи на набеги, чем на настоящую войну, ибо ее неудобно вести в это время года, так как реки, которые имеются здесь в большом изобилии покрыты льдом, и поэтому флот необходимо перетаскивать волоком по снегу, между тем как по весне все корабли уходят с Дона в свои страны. Говорят, что московиты для того, чтобы соединиться с черкесами, главой которых провозглашен Дмитрашка, направляются в Мегрелию. Если это так, то это прибавит забот хану»¹⁴⁴.

Данный документ весьма интересен нам с двух точек зрения. С одной стороны, он дает реальные представления о военных усилиях, прилагаемых Османской Портой для организации противодействия походам и набегам отрядов князя Д.И. Вишневецкого, и о масштабах той угрозы, которую он представлял для османов и их союзников в Северном Причерноморье. Походы князя на Азов и Таманский полуостров, не принешие Московскому государству серьезных военных успехов, выдвинули его в первый ряд военачальников Восточной Европы того времени, способных своими действиями влиять на геополитический расклад сил в этой части Старого Света. Во-вторых, князь Дмитрий, которого французский дипломат без обиняков называет главой черкесов, пусть и ненадолго, но завоевал себе мечом царство в Западной Черкессии, точнее – он стал харизматическим лидером местного родоплеменного союза этой части Северного Кавказа. Вполне возможно, что именно этим объясняется свидетельство Никоновской летописи от февраля 1560 года о том, что «отпустил Государь Вишневецкого на государство въ Черкассы»¹⁴⁵.

Как долго предводительствовал князь Д.И. Вишневецкий черкесскими племенами, и в чем это конкретно заключалось, сегодня без специальных исследований сказать сложно. Учитывая уровень социального развития, к тому времени едва прошедших стадию третьего разделения труда и живших в условиях родоплеменной демократии, вполне можно предполагать, что князь завоевал симпатии черкесов еще в 1559 году, когда организовал и привез от них в Москву депутацию с просьбой о принятии в подданство, крещении и назначении к ним самого князя Дмитрия в качестве царского наместника. Учитывая тот факт, что выборные люди из числа черкесской аристократии прибыли в Москву в сентябре 1559 года, а сам их путь из Тамани занял не менее месяца, вполне достоверно можно предположить, что князь встал во главе их движение сопротивления турецко-татарской экспансии не позднее лета. Во второй половине июля 1559 года он с выборными депутатами отбыл в Москву в надежде получить помощь людьми и материальными средствами от царя, а поэтому неудачный набег черкесов против Азова, организованный уже осенью Кансуком, сыном старейшими рода Жанэ, проходил без его участия, и, следовательно, полученное поражение не могло подорвать авторитета князя среди черкесов. Формально свое лидерство среди населения Западной Черкессии он укрепил в конце февраля 1560 года, когда оно присягнуло на верность московскому царю. Окончание же «государства» князя Вишневецкого в черкесских землях началом осени 1560 года, когда он после серии неудачных попыток формировать Керченский пролив со стороны Таманского полуострова, скорее всего, совершил свой очередной опустошительный поход по владениям ногаев и крымских татар в Северном Причерноморье до Днепра, и оттуда вернулся в пределы Московского царства.

1561 год стал критическим во взаимоотношениях Д.И. Вишневецкого и московского престола. 14 апреля он со своим отрядом – «каневскими черкасами» (т.е. с теми людьми, кто пришел вместе с ним на русскую службу в 1557 году) – был направлен вновь на Днепр «...недружбу делати царю Крымскому и королю Литовскому»¹⁴⁶. Фактически, это означало, что ему предписывалось вести боевые действия в своих бывших владениях – Черкасском и Каневском староствах Великого княжества Литовского, чего он, естественно, сделать не смог (тем более, что в то время старостой в эти земли был назначен его двоюродный брат князь Михаил Александрович, представитель младшей ветви этого рода). Это распоряжение, видимо, переполнило чашу его терпения (не следует забывать факта предательства царя Ивана IV, передавшего туркам его план войны на Тамани и в Северном Причерноморье за год до этого), и он решил прекратить службу Московскому государству. Как свидетельствуют московские летописи, 31 июля 1561 года «...приехали ко царю и великому князю всеа Руси в Можаяск (Можайск – О.К.) с Поля з Днепра... казаки Михалко Кириллов да Ромашка Ворыпаев и

¹⁴⁴ Перевод документа цит. по: *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: В 2-х тт. – Т. 1. – С. 164.

¹⁴⁵ *ПСРЛ.* – Т. XIII. – С. 324.

¹⁴⁶ *ПСРЛ.* – Т. XIII. – С. 341; Там же. – Т. XXIX. – С. 298

сказали, что князь Дмитрие Вишневецкой царю и великому князю изменил, отъехал с Поля з Днепра в Литву к Полскому королю со всеми своими людьми, которые с ним были на Поле, а людеи его было триста человекъ. А приезжал до него на Днепр ис Киева брат его князь Михайло Вишневецкой да князь Дмитрие же Вишневецкой...»¹⁴⁷. Согласно феодальным традициям вассал со своим отрядом мог отказаться служить своему сюзерену, если тот нарушал заранее оговоренные условия, что и произошло между царем Иваном IV Васильевичем и князем Вишневецким, – это не считалось изменой.

Советский украинский историк Д.И. Яворницкий (Эвардницкий), опираясь на литовско-польские официальные делопроизводственные источники, довольно-таки подробно описывает всю процедуру возвращения князя Дмитрия на службу к польскому королю и литовскому великому князю. Прибыв в назначенный ему московским правительством район действий, Вишневецкий со своими людьми расположился лагерем в урочище Монастырище в 30-ти верстах от Черкасс близ Хортицы на левом берегу Днепра, откуда направил к королю Сигизмунду-Августу гонца с просьбой о том, чтобы он снова принял его к себе на службу и прислал бы ему, по обыкновению, так называемый «глейтовый», т.е. охранный лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно изъявил согласие и прислал ему 5 сентября 1561 года глейтовый лист со словами: «Памятуя верная службы предковъ князя Димитрія Ивановича Вишневецкаго, мы пріймаемъ его в нашу господарскую ласку и дозволяемъ ему ехать в государство нашей отчизны и во дворъ нашъ господарскій для службъ нашихъ, не боясь строгости посполитаго права и нашего отъ господаря коранія и неласки нашей за то; можетъ онъ добровольно въ панствахъ нашихъ жить, пользуясь всякими вольностями и свободой, как и другіе княжата, панята и обыватели панства нашего»¹⁴⁸. Тем же документом Сигизмунд II Август вернул князю все его звания и земли¹⁴⁹. Принимая на службу к себе Д.И. Вишневецкого вновь, король мотивировал свою милость к нему тем, что князь Дмитрий ходил к московскому царю не для чего иного, как для того, чтобы узнать «справы неприятеля и темъ принести возможно большую пользу Речи Посполитой».

В свою очередь и казаки, бывшие с Дмитрием Вишневецким, и оставленные им после отъезда, в урочище Монастырище также стали просить короля через черкасско-каневского старосту князя Михайла Александровича Вишневецкого (двоюродного брата князя Дмитрия – О.К.) о дозволении им возвратиться в места своей родины и прислать глейтовый лист. О казаках князю Михаилу Вишневецкому король писал: «Листъ для принятія козаковъ въ наше панство мы приказали выдать и велели послать его до воеводы кievскаго; кроме того, распорядились написать ему, чтобы его милость съ тобой посоветовался, если те козаки придуть въ наше панство и меж ними окажутся такие, которые въ недавнее время Очаковъ збурыли (разорили – О.К.), и если приходъ ихъ не принесетъ никакой опасности отъ цесаря турецкаго и царя перекопскаго, то, поразмысливши объ этомъ хорошенько, велите послать имъ тотъ листъ. И если между ними окажутся те, которые Очаковъ разоряли, то ты бы внушилъ имъ, чтобы они, не задерживаясь и не проживая в тамошнихъ украинскихъ замкахъ, шли бы прямо въ могилевскій замокъ, откуда мы велимъ направить ихъ въ Полоцкъ, а изъ Полоцка въ землю Инфлянтскую и прикажемъ дать имъ содержаніе и живность. Посоветовавшись и поговоривши съ нимъ объ этомъ, извести насъ о томъ немедленно»¹⁵⁰. Как мы видим, Сигизмунд II Август в вопросе о возвращении служилых людей князя Дмитрия Вишневецкого в польско-литовское королевство, проявлял значительную осторожность и принимал все меры к тому, чтобы его вынужденный союзник – крымский хан как можно меньше знал об этом. В сохранении этой тайны для него был двойной резон: с одной стороны, он получал себе на службу закаленных в походах бойцов, способных с легкостью и биться в поле, и отбиваться в осаде, и самим штурмовать крепости, которые ему были столь необходимы в Прибалтике в свете сравнительно недавнего вступления польско-литовского государства в Ливонскую войну; с другой стороны, удаление пассионарной части днепровского казачества на прибалтийский театр военных действий объективно лишало полуоседлое население южнолитовских воеводств и старост вожаків, способных организовать и возглавить так называемые «зацепки» – грабительские набеги на окраинные владения Крымского ханства, что полностью соответствовало характеру формально мирных отношений между Бахчисараем и Краковом. Кроме того, удаление служилых людей Д.И. Вишневецкого на гарнизонную службу в отдаленные ливонские крепости решало участь и самого князя Дмитрия: оставшись без своей сравнительно многочисленной по меркам того времени феодальной дружины он уже не мог претендовать на сколько-нибудь самостоятельную роль во внутренней и внешней политике польско-литовского государства. Более того, князь остался и без своего днепровского замка на острове Хортица, который к тому времени или был разрушен крымскими татарами, или пришел в негодность из-за многолетнего запустения: по крайней мере, московский

¹⁴⁷ ПСРЛ. – Т. XXIX. – С. 300.

¹⁴⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. II. 1506-1544. – С. 155.

¹⁴⁹ Яворницкий (Эвардницкий) Д.И. История запорожских казаков: В 3-х т. – Т. II. – С. 31.

¹⁵⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. II. 1506-1544. – С. 157.

царь, собираясь воевать с Крымом, хотел строить новое укрепление «между Хортицей и Черкассами», которое бы заменило «город» Вишневецкого¹⁵¹.

Возвращение князя Дмитрия Вишневецкого в Великое княжество Литовское у московского царя Ивана IV странную эмоциональную реакцию – смешанное чувство напускного безразличия, сочетавшегося с подспудной досадой и сожалением. Направляя 10 июля 1563 года к королю Сигизмунду II Августу своего гонца дворянина Андрея Клобукова, царь помимо передачи дипломатической почты требовал от него «проведывати... при князя Дмитрея Вишневецкого: как приехал на королевское имя, и король что жалование ему дал ли, и живет при короле ли, и в какой версте держит его у себя король» (насколько приблизил к себе князя Сигизмунд II Август – О.К.). А на вопросы о реакции московского правительства на демарш Д.И. Вишневецкого, – «а нечто спросят..., чего для от нашего государя князь Дмитрий Вишневецкой поехал», – посланцу было велено отвечать буквально так: «притек Вишневецкой ко государю нашему как собака, и потек от государя нашего как собака же, и государю нашему и земле убытка никакова не причинил»¹⁵². Аналогично должен был отзываться об «измене» князя и московский посол при бахчисарайском дворе А.Ф. Нагой¹⁵³. Больше имя князя в известной нам официальной делопроизводственной переписке московского государства, русских летописях о событиях середины XVI столетия и прочих нарративах не встречается.

Последний поход

По возвращении в Польско-Литовское королевство князь Дмитрий Вишневецкий стал центральной фигурой военно-политической авантюры, организованной польским магнатом Ольбрехтом Ласским. Находясь в Кракове и тесно сойдясь с этим паном, владевшим молдавской крепостью Хотин и мечтавшим присоединить всю Молдавию к Польше, Д.И. Вишневецкий задумал новое дело: он решил овладеть Валахией и сделаться ее господарем. С формально-правовой точки зрения, согласно династическим традициям наследования того времени князь имел существенные шансы приобрести себе этот престол не только по праву силы, но и по праву крови: его мачеха (вторая жена князя Ивана Михайловича Вишневецкого) Магдалена Деспот происходила из рода молдавских господарей, так же как и ее сестра Елизавета, состоявшая в замужестве за князем Федором Михайловичем, родным дядей нашего героя, и захваченная крымскими татарами в плен вместе с мужем в 1549 году. Однако род Деспотов к тому времени по мужской линии уже пресекался, и страна погрузилась в междоусобную войну за власть сторонников двух партий – самозваного господаря Якова Василида и боярина Томши, ставшего более известного истории под именем молдавского господаря Стефана IX.

Пан Ласский, староста Серадзский, по сути посадивший с помощью наемных войск из Западной Европы на престол Якова Василида в 1562 году, надеялся с помощью князя Дмитрия Вишневецкого еще больше укрепить свое влияние в этом регионе, и кандидатура князя для этого его вполне устраивала. Ольбрехт Ласский уже получал от молдавского господаря денежное вознаграждение за наемную пехоту, ставшую гвардией местного правителя, – так называемый «певный контракт з дешпотом о нагородку утрат своих» (денежное соглашение о компенсации затрат – О.К.), как о том свидетельствует Хроника Литовская и Жмойтская¹⁵⁴. Однако вскоре наемники пана Ласского обманом были выведены из господарского замка Сучава сторонниками Томши при дворе Якова Василида и направлены на венгерскую границу, где в одну из ночей были поголовно вырезаны молдаванами. Вскоре приверженцы партии боярина Томши осадили и сам Сучавский замок. Именно в этот момент борьбы за власть над Молдавией и Валахией на сцену региональной междоусобицы появился князь Д.И. Вишневецкий, за спиной которого находился Ольбрехт Ласский. Последний преследовал исключительно меркантильные цели, содержание которых дошло до нас в литовской летописной традиции: поскольку господарь Яков Василид, по словам все той же Хроники Литовской и Жмойтской, «не будучи вдячным добродейства пана Ласского, же великие скарбы для него утратил, не сполнил обетницы, которую приобещал пред всаженом на панство» (не будучи достойным добродетелей пана Ласского, потратившего на него значительные средства, не исполнил обещаний, данных перед восшествием на престол – О.К.), то «розгневавшийся пан Ласский за слушную причину, мыслил, як бы его с того панства яко невдячника выгнати, и злучився з князем Дмитрием Вишневецким, мужем славным и мужным, хотел его на тое панство, выгнавши деспота, посадити»¹⁵⁵ (разгневавшись на неудачника, решил того из государства изгнать, а сойдясь с князем Дмитрием Вишневецким, того на освободившийся престол посадить – О.К.).

Будучи на Пиотроковском сейме 1563 года, князь Д. Вишневецкий и пан О. Ласский договорились об организации совместной интервенции в молдавские и валахские земли, для чего начали

¹⁵¹ Там же. – С. 134.

¹⁵² *Сборник Императорского русского исторического общества.* – Т. 71. – С. 156.

¹⁵³ *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века: В 2-х тт. – Т. 2. – С. 9, 13, 15, 20, 97.

¹⁵⁴ *ПСРЛ.* – Т. XXXII. – С. 112.

¹⁵⁵ Там же.

вербовать наемные войска: «... и зобрал зараз люду пан Лаский 6000, а князь Вишневецкий также 6000 и тягнули до Волох; и мелися зыйти тые войска обе сполечне» (собрал сразу людей пан Лаский 6000, и князь Вишневецкий также 6000, и выступили до Валахии, рассчитывая объединить отряды и действовать совместно – О.К.). Однако князь Вишневецкий нарушил план коллективных действий и в одиночку выступил в поход к молдавской границе, где стал поджидать войска пана Ласского: «Але князь Вишневецкий тянул впрод на границу и там мел пана Ласского чекати», повествует Хроника Литовская и Жмойтская. Этим решили воспользоваться сторонники боярина Томши, осаждавшие Сучавский замок: они направили к князю Дмитрию своих послов, предлагая тому, не дожидаясь второй волны подкреплений под началом Ольбрехта Ласского, самому прийти к Сучаве и занять господарский трон. Об этом Хроника Литовская и Жмойтская сообщает так: «В том волохи выправили послов своих до князя Вишневецкого, пишучи, абы не чекал пана Ласского, поневаж мы все волохове знаем тебе, князя Вишневецкого, и жадаем тебе самага, а не пана Ласского мети на панстве, гды жес ты есть князь Вишневецкий, здавна славный рицер, если пана Ласского чекаеш, не будет твоя слава самого, але наполы з паном Ласким, же на панство впровадит. А так князь Вишневецкий на лихо свое дался намовити, не чекаючи пана Ласского, яко были з собою постановили бо пан Лаский тянул за ним з своим людом. Волохове теж, не чекаючи войска пана Ласского, мыслили о Вишневецком и его здоровю. Дешпот, будучи в облеженю от волохов, почал трактовати з князем Вишневецким, жадаючи, абы зоставил свои жолнере при нем, обещаючи жолнером плату, а князеви Вишневецкому на кождый рок трибут давати, певную суму гроший и килка тысячий волов и килка сот коней, и до Полщи их потым вернути с покоем (находящийся в осаде Яков Василид начал переговоры с Вишневецким, ожидая, что тот оставит при нем пехоту, обещая солдатам плату, а самому князю обещая ежегодно оброк выплачивать деньгами, домашним скотом и лошадьми – О.К.). Але пан Пясецкий, будучи при князю Вишневецким поручником, сам з своей доброй воли, без инших памовы, провадил до того князя Вишневецкого, абы жадного постановеня не чинил з дешпотом, «поневаж тебе волохи сами доброволне приймают на панство», который, в том услухавши его, ехал до волох, а в тым наготовалися волохи на зраду и повидели князю Вишневецкому, абы ся назавтрее наготовал там на поле, где его все панове будут чекати и приймавати за господаря своего...»¹⁵⁶ (но пан Пясецкий, доверенное лицо князя, по доброй воле, без чьей-либо подсказки убедил Вишневецкого, чтобы он не заключал товарно-денежного соглашения с господарем, поскольку молдаване добровольно провозгласят его своим правителем, и князь, послушавшись, поехал к ним, а те готовились к встрече и сообщили князю, чтобы он прибыл на смотр, где все землевладельцы будут ждать его и принимать за своего правителя – О.К.).

Однако это посольство оказалось хорошо расставленной ловушкой, в которую попался легковерный князь Вишневецкий. Выслав вперед основные силы, князь Дмитрий с небольшим эскортом поехал вслед за ними, путь его лежал по мосту через болото, на котором сторонники боярина Томши устроили засаду. Охрана Вишневецкого оказалась перебитой, а сам князь, воспользовавшись предрассветной осенней мглой, бежал с поля боя и спрятался в копне сена вместе со своим адъютантом, паном Пясоцким, где их нашел местный крестьянин, который, обещая им помощь, выдал их за вознаграждение сторонникам побеждающей в борьбе за господарский престол партии боярина Томши. Эти события в Хронике Литовской и Жмойтской описаны так: «И там засадили войска свои волоскии, часть одну з той стороны мосту, а другую з другой стороны мосту, куды князь Вишневецкий мел ити, а на щасте его княжее мгла была великая споранку (бо то было в осени), гды князь Вишневецкий тянул там з людом. А скоро мост минул, волохи з обудвух сторон ударили на него прикро, которому на том месте волохи люд збили, а сам князь Вишневецкий утекл и скрился в одной копици сена, а потым хлоп приехал по сено и нашол его, а князь Вишневецкий просил его, мовячи: «Брате, ратуй мене теперь, а я тебе потом обещаю нагородьку великую». Казал ему той хлоп: «Всяд на воз, повезу тебе до своего дому», и прикрил его сеном. Не везучи его додому, але везл его до Томши и Мочана, котрые были переднейшими жожами волоскиими...»¹⁵⁷.

С момента пленения князь Вишневецкий стал разменной монетой во внутривосточной борьбе за власть в Молдавии: он был выдан на казнь турецкому султану Силиму II, за что боярин Томша стал господарем Стефаном IX. Сама процедура казни вызвала широкий резонанс во всем европейском обществе, поскольку по-восточному изощренная жестокость экзекуции столкнулась с беспримерной стойкостью и мужеством самого князя, достойного только за одно это поведение тернового венца мученика за христианскую веру. Князь Дмитрий мог бы избежать казни, если бы принял мусульманство и поступил на службу к турецкому султану, однако он этого делать не стал и предпочел смерть позору вероотступничества. Султан и его приближенные не карали своего заклятого и успешного врага, они, по сути, мстили ему за одержанные победы, свои поражения и собственный страх, который он внушал им на протяжении целого десятилетия. 22 октября 1563 года князь вместе со своим адъютантом паном Пясоцким был подвешен за ребро на мясницкий крюк и сброшен вниз с крепостной башни в порту Галата: в таком положении он провисел три дня, истекая кровью и не пере-

¹⁵⁶ Там же. – С. 113.

¹⁵⁷ Там же. – С. 113-114.

ставая при этом проклинать султана, его семейство, всех турок и мусульманскую веру, за что был расстрелян, в конце концов, из луков. Его сподвижник пан Пясоцкий, напротив, скончался быстро, поскольку, падая с башни, он повис на крюке вверх ногами, и кровь, прилив к голове, вызвала скорую смерть. Хроника Литовская и Жмойтская описывает экзекуцию довольно-таки подробно и натуралистично: султан Селим II «... казал обудвух скинути на гаки з вежи над одногою морскою ку Галате, где князь Вишневецкий до трох дний висел живо, аж его турки устреляли, гды проклинал их Махомета, але их цесарь за тое карал, гды жь болш рад был муце его. А Пясецкий сконал рихло, бо летячи з вежи, зависл до горы ногами; и так его залила кровь»¹⁵⁸.

Что же касается третьего главного действующего лица и организатора последней в жизни князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого военной авантюры – пана Ольбрехта Ласского, – то он, узнав о поражении отряда и пленении самого князя, решил больше не ввязываться во внутримолдавские дела и отвел свои вооруженные силы в Польшу. «Учувши тую новину злую, пан Лаский ишол що прудшей до Полци и войшол додому в целости», – повествует от этом Хроника Литовская и Жмойтская.

Жизнь и трагическая смерть князя Дмитрия Вишневецкого оказали огромное влияние на формирование мировоззрения малороссийского субэтнуса, и особенно – той его части, которую во второй половине XIX столетия было принято именовать разночинной интеллигенцией. Именно в среде этого образованного, но лишенного сословных устоев слоя населения юго-запада европейской части Российской империи, входившего в состав Киевского генерал-губернаторства, зародилась идея украинской национальной самостийности, нуждавшаяся в апостолах сепаратистской идеологии – мучениках и легендарных героях «национально-освободительной борьбы» за формирование и существование местечковой квазигосударственности. В результате многолетней субкультурной интеллектуальной селекции князь Дмитрий Вишневецкий был выдвинут в число основоположников запорожского казачества, являющихся, согласно идеологии самостийности, основоположниками украинского этноса. В качестве основного доказательства достоверности такой интеллектуальной конструкции и главным аргументом в пользу ее правомерности была положена малороссийская фольклорно-этнографическая традиция отождествления личности князя с героем популярной украинской народной думы (баллады) о «Байде-казаке»¹⁵⁹. Если непредвзято проанализировать текст этого широко известного сказания (его в научном издании и цитировать даже как-то неприлично), то становится видно, что главными достоинствами этого персонажа было умение пить «горилочку» в общественном месте и в пьяном угаре совершать противоправные действия, квалифицирующиеся с точки зрения современного уголовного законодательства как угроза убийством, покушение на жизнь политического или общественного деятеля, злостное хулиганство и оказание сопротивления сотрудникам правоохранительных органов, находящимся при исполнении служебных обязанностей. Словом, из талантливого полководца, заставившего считаться с собой правительство одной из могущественных империй Старого Света эпохи Средневековья, истово верующего православного христианина и, по сути, мученика за веру князь Дмитрий Иванович Вишневецкий спустя три с половиной века после своей мученической кончины трудами малороссийских «благодарных потомков» превратился в банального героя анекдота (в первоначальном значении этого слова), причиной жестокой казни которого в турецком плену стал пьяный дебош на стамбульском базаре, а не месть за тот страх, который переживала в середине XVI века Османская Порта и ее восточноевропейские вассалы – Крым, Буджак (Молдавия) и Валахия только при одном упоминании имени нашего героя.

Однако самой интересной в исторической ретроспективе с психологической точки зрения представляется документально зафиксированная реакция московского царя Ивана IV Васильевича на мученическую кончину князя Дмитрия Вишневецкого, ярко характеризующая религиозно-мистическое мировоззрение этого русского монарха. Как следует из записей 1563 года во вкладной книге Новопечерского Свято-Успенского Свенского мужского монастыря, «в лето 7070 пожаловал благочестивый Царь и Великий Князь всея России, дал по князе Дмитрии Вишневецком в дом Пречистыя Богородицы отчину в белевском уезде, в домоглажской (точнее – Домогощкой – О.К.) волости, друцком стану сельцо Студениково, а в том сельце церковь Пречистыя Богородицы да шесть деревень. И игумен с братиею учинили по князе Димитрии и по его слугах Кононе и Иване новокрещеном братиею корм большой месяца октября 26 день: на память великомученика Димитрия Солунского и панихиду поют и обедню служат игумен собором. И имя князя Димитрия и слуг его Конона и Ивана в синодики в большой и в рядовой записано и поминают, доколи благословит Бог монастырю быть»¹⁶⁰. Царь Иван IV оказался, пожалуй, единственным из восточноевропейских монархов, которым в разные годы служил князь Дмитрий Вишневецкий, отдавшим все необходимые церковно-религиозные почести памяти своего слуги и его сподвижников. И место вечного поминовения князя он выбрал не случайно: Новопечерский Свято-Успенский Свенский монастырь в Брянском уезде считался подворьем Киево-

¹⁵⁸ Там же. – С. 114.

¹⁵⁹ См. подробнее: *Грушевский М.С.* Байда-Вишневецкий в поезії и історії // Записки Українського Наукового товариства в Києві. – Т. III. – Киев, 1909.

¹⁶⁰ *Евсеев И.Е.* Описание рукописей, хранящихся в Орловском древлехранилище. – Вып. 2. – Орел: Тип. Хализева, 1906. – С. 228.

Печерской Лавры, а его главный храм Успения Пресвятой Богородицы был посвящен памяти первой жены царя Ивана IV Анастасии Романовой. В результате князь Дмитрий был поминаем и при Рюриковичах, и при их преемниках на царском престоле...

Сложно в нескольких предложениях проанализировать и охарактеризовать все то влияние, которое князь Дмитрий Вишневецкий оказал на исторические судьбы народов Юго-Восточной Европы в середине XVI века. Он был первым, кто смог в полном объеме воплотить в жизнь так называемой «наступательной партизанской войны» (по Б. Претвичу), способной сдержать своей жестокой эффективностью не менее жестокие и опустошительные набеги крымских татар и ногайцев на окраинные земли Московской Руси и Польско-Литовского государства. Организаторский и административный талант князя и его непреклонная воля к борьбе с мусульманской агрессией стали, по сути, основной движущей силой начала славянско-православной колонизации земель в среднем и нижнем течении Днепра, явившейся главным содержанием истории Юго-Восточной Европы со второй половины XVI до третьей четверти XVIII столетия, военно-политическим проявлением которой стала почти двухвековая вооруженная борьба Российского государства с Османской империей за геополитическое господство в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Благодаря своей пассионарности и харизме истово верующего человека, Д.И. Вишневецкий смог объединить вокруг себя практически все маргинальные элементы сословной иерархии восточноевропейского средневекового общества, привив им идею подвижничества в вооруженной борьбе с иноверческой агрессией, благодаря чему впоследствии усилиями короля Стефана Батория в Польско-Литовском государстве и князя Михаила Ивановича Воротынского в Московии организационно оформилось и получило социальный статус сословие служилого или реестрового казачества. И, конечно же, нельзя недооценивать того огромного нравственного влияния, которое оказала мученическая смерть князя Дмитрия за православную веру и одержанные во имя нее военные подвиги в турецком плену, когда во время трехдневной казни-пытки он продолжал отстаивать свои религиозно-нравственные идеалы. Только одного этого перечисления его заслуг перед историей и Православием, как представляется, было бы вполне достаточно современным идеологам украинской политики державной самостоятельности и сочувствующим им иерархам украинской православной автокефалии для того, чтобы канонизировать князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого как святого благоверного князя или святого великомученика, а не превращать его в персонажа пошлых исторических анекдотов, как мы это видим в современной исторической науке Украины.